Д. П. ОЗНОБИШИН

Публикация С. И. Минц

Вступительная статья Т. Г. Динесман*

Комментарии З. И. Власовой и С. И. Минц,
при участии М. Е. Роговской

Дмитрий Петрович *Ознобишин* (1804—1877) принадлежит к числу тех собирателей-фольклористов 30-х годов прошлого века, деятельность которых в силу различных причин осталась совершенно неизвестной не только современникам, но и позднейшим исследователям. Поэт, чьи стихотворения постоянно встречаются на страницах журналов и альманахов 1820—1830-х годов, переводчик, впервые познакомивший русскую публику со многими шедеврами западноевропейской и восточной поэзии, Ознобишин вместе с тем долгие годы работал над собиранием русских народных песен. Однако до сих пор имя его не занимало самостоятельного места в истории русской фольклористики — он был известен только как один из корреспондентов Киреевского, передавший ему небольшое собрание из 15 свадебных песен, записанных в Торопецком у. Псковской губ. [1] К этому следует прибавить несколько чувашских песен, посланных им в 1833 г. А. А. Фукс, которая вскоре опубликовала их в своих путевых заметках [2]. Легко можно было бы сделать вывод, что записи, переданные Ознобишиным Киреевскому и Фукс, носят случайный характер, что это своего рода «дань моде», если бы не сообщение Б. Л. Модзалевского о том, что в личном архиве Ознобишина сохранилось обширное собрание народных песен, записанных им в Симбирской губ.[3] До самого недавнего времени архив этот не был известен исследователям [4], поэтому оставалась неизвестной и роль Ознобишина как самостоятельного собирателя. В 1938 г. часть его архива поступила в Государственный литературный музей [5] из собрания П. К. Симони, к которому, по всей вероятности, перешла от Д. И. Ознобишина — внука поэта [6]. В нем содержатся фольклорные записи, сделанные разными почерками, в том числе и почерком самого собирателя. При первом же знакомстве с архивом становится очевидным, что это остатки большого собрания, значительная часть которого утеряна. Однако и то немногое, что осталось,— 229 записей — дает некоторое представление о характере собирательской деятельности Ознобишина.

Ознобишин был сыном симбирского помещика. Двадцати лет он окончил Московский университетский благородный пансион, в стенах которого началась его поэтическая деятельность: в 1820 г. в альманахе «Каллиопа» впервые появилось стихотворение, подписанное его именем [7]. Одаренный лингвист, прекрасный знаток западноевропейских и восточных языков, Ознобишин в молодости много работал над поэтическими переводами. Он обращается не только к французским и немецким, итальянским и греческим поэтам, но главным образом к произведениям арабских и персидских лириков. Уже в начале 1820-х годов имя Ознобишина приобрело некоторую популярность, его стихи и переводы появляются на страницах наиболее прогрессивных изданий — он печатается в таких журналах, как «Вестник Европы» (1821), «Соревнова-

* Софья Исааковна Минц, которая готовила публикацию песен Ознобишина, скончалась 25 марта 1965 г., не успев довести до конца свой труд. Редакция поручила завершение комментария З. И. Власовой и М. Е. Роговской, а написание статьи — Т. Г. Динесман. При работе над статьей были использованы некоторые материалы, собранные С. И. Минц.— *Ред.*

тель просвещения и благотворения» (1823), «Московский вестник» (1827—1830), «Телескоп» (1835), «Московский наблюдатель» (1835—1838), «Отечественные записки» (1839—1840), «Москвитянин» (1841—1845). Его имя можно встретить в «Северных цветах» А. А. Дельвига (1826—1827), в «Урании» М. П. Погодина (1826), в «Денница» М. А. Максимовича (1830—1834), оно значится в оглавлении не увидевшего свет альманаха К. Ф. Рылеева «Звездочка».

Современники довольно высоко оценивали поэтическую деятельность Ознобишина, называли его «одной из звезд плеяды Пушкина» [8]. В действительности его дарование было более чем скромным. Поэзия его отмечена печатью эпигонства, замкнута в кругу отвлеченных образов, чужда современных проблем. Неудивительно, что когда в 1840-х годах Ознобишин отошел от литературной деятельности, его забыли очень скоро. В истории русской литературы он известен не столько как поэт, имеющий свой самостоятельный голос, сколько как переводчик, заслуга которого состоит в том, что он один из первых открыл русскому читателю мир персидской и арабской лирики [9]. Незначительное место, которое Ознобишин занимает в истории русской поэзии, было причиной того, что исследователи почти не обращались к изучению его творчества и совсем не интересовались другими сторонами его деятельности. Поэтому сведения о нем, которыми мы располагаем, чрезвычайно скудны и касаются главным образом раннего периода его жизни [10].

В первые годы после окончания пансиона Ознобишин жил в Москве, находясь на службе в Московском почтамте. В это время он был тесно связан с кружком любомудров, участники которого — Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, М. А. Максимович,— были ближайшими его друзьями еще со времен пансиона [11]. Естественно, что ему не могли остаться чуждыми философские взгляды любомудров, в том числе и понимание народности как «идеи нации», «идеи национального духа» [12]. Характерна в этом отношении его обширная статья «О духе поэзии восточных народов», написанная в 1826 г. Ознобишин не был склонен к разработке теоретических проблем, однако некоторые мысли, высказанные в этой статье, близки к теоретическим положениям Д. В. Веневитинова и И. В. Киреевского. «Характер *поэзии турок*, а вместе с тем и главные причины богатства их языка должно искать в истории сего народа; и наоборот его историю узнаем легко из свойств самого языка»,— писал Ознобишин [13]. Эта мысль варьирует одно из важнейших положений любомудров о взаимосвязи исторического процесса и народного творчества [14].

Статья «О духе поэзии восточных народов» содержит и некоторые другие положения, подтверждающие общность взглядов Ознобишина и его друзей в области изучения народной поэзии. Так, в предисловии к своему сборнику «Малороссийские песни» (1827) Максимович рассматривает народное поэтическое творчество как полноценный исторический источник, в котором содержатся «поверья, обычаи, нравы и нередко события действительные, кои в других памятниках не сохранились» [15]. Подобным же образом оценивает народную поэзию Шевырев, который видит в песнях «памятник старинной поэзии и свидетельство образа мысли тогдашнего времени» [16]. Ознобишин подходит к народному творчеству с таких же позиций. Доказательство этому — сочувственный отзыв о трудах Лейдена, рассматривавшего народную поэзию как источник для изучения истории народов, населяющих Малайские острова [17].

Когда в 1827 г. члены бывшего кружка любомудров (кружок перестал существовать в 1825 г.) начали издавать журнал «Московский вестник», во главе которого стал Погодин, Ознобишин принял в нем самое непосредственное участие как поэт и переводчик. Одним из деятельных организаторов этого журнала в первый год его существования был Пушкин, недавно возвратившийся из ссылки. «...Погодин не что иное, как *имя*, *звук пустой* — дух же я...»,— так оценивал Пушкин в то время свою роль в издании «Московского вестника» [18]. В ту пору Ознобишин не встречался с Пушкиным — он познакомился с ним много позже, уже в Петербурге [19]. И все же влияние Пушкина не могло пройти для него бесследно: ближайшие друзья Ознобишина — ведущие сотрудники «Московского вестника» Погодин и Шевырев, а также поэт Языков были тесно связаны с Пушкиным и во многом разделяли его взгляды. Очевидно, и тот живой интерес к памятникам народной поэзии, которым отличался круг авторов «Москов-

Д. П. ОЗНОБИШИН (справа) и И. Ф. БАЗИЛЕВСКИЙ
Дагерротип, 1840-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ского вестника», сложился не без его влияния. Ведь именно Пушкин первый высказал и реализовал мысль о необходимости собирания народных песен, для него делал записи Шевырев. Понятно, что журнал, в котором Пушкин играл значительную роль, один из первых обратился к читателям с призывом собирать памятники народного творчества и настойчиво пропагандировал необходимость изучения народной песни, утверждая ее эстетическую, научную и общественную ценность [20]. Ближайший сотрудник «Московского вестника», Ознобишин не мог не сочувствовать этим взглядам, не мог остаться равнодушным и к такому программному документу, напечатанному в этом журнале, как рецензия Шевырева на сборник «Малороссийских песен», изданный Максимовичем: «Наши филологи должны смотреть на всякое подобное издание как на упрек себе в бездейственности,— писал Шевырев. — Как до сих пор мы не спешим уловить русские песни, столь родные нашему сердцу, которые, может быть, скоро унесет с собою навеки старое поколение?» [21]

Друг Шевырева, Погодина и Максимовича, Ознобишин был хорошо знаком не только с их теоретическими взглядами. Безусловно, он был также в курсе их работы над теми довольно многочисленными фольклорными публикациями, которые помещались в «Московском вестнике» [22]. Не случайно в его собственном издании — альманахе «Северная лира на 1827 год» опубликованы две малороссийские песни, вошедшие вскоре в сборник Максимовича [23]. Очень важным для формирования взглядов Ознобишина было также и то обстоятельство, что в 1828 г. он вместе с Погодиным принял участие в издании журнала К. Ф. Калайдовича «Русский зритель». Задумав свой журнал как издание, посвященное публикации исторических и этнографических документов, Калайдович собрал обширный материал, но тяжелая болезнь прервала его деятельность. Его друзья — Погодин, Максимович, Иван Киреевский и др. — решили продолжить издание и выпустить в свет все, собранное Калайдовичем. Ознобишин принял в этом деле самое непосредственное участие, что также способствовало формированию его этнографических интересов [24]

Даже эти немногие данные дают представление о той обстановке, в которой складывались взгляды Ознобишина как фольклориста. К этому необходимо добавить, что в числе его друзей, еще по кружку любомудров, был Иван Киреевский. Известно, что знакомство их продолжалось и в дальнейшем, причем Ознобишин бывал в его доме и хорошо знал всю семью, в том числе и П. В. Киреевского [25]. Самая тесная дружба связывала его также с Н. М. Языковым — товарищем юности и ближайшим соседом по симбирскому имению. Все это дает основание полагать, что замысел Собрания русских народных песен, возникший у Киреевского и Языкова, вероятно, стал известен Ознобишину в самом начале. Несомненно, что были ему известны и те практические положения, которые Киреевский изложил в своей «Песенной прокламации» (см. о ней на стр. 48—49 настоящ. тома).

Надо сказать, что все эти дружеские связи Ознобишин сохранял в течение долгих лет. В 1835—1838 гг. он был участником журнала «Московский наблюдатель», который издавала группа в составе Погодина, Шевырева, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова и др. Когда в 1841 г. было предпринято издание «Москвитянина», Ознобишин стал его активным сотрудником, несмотря на то, что к этому времени уже начал отходить от литературной деятельности. И как в свое время, в годы издания «Московского вестника», так и теперь, он был в курсе той усиленной пропагандистской и организационной работы, которую Погодин вел на страницах «Москвитянина», сумев объединить в своем журнале значительные кадры собирателей и исследователей фольклора [26].

Трудно сказать, когда именно Ознобишин начал свою собирательскую деятельность. Вероятно, это произошло еще в середине 1820-х годов под влиянием будущего издателя «Московского вестника». Во всяком случае уже в 1826 г. он впервые выступил в печати как собиратель: в альманахе Погодина «Урания» напечатана «малороссийская песня» «Веют ветры, веют буйны», которая была, как это видно из примечания, «доставлена к издателю Д. П. Ознобишиным» [27]. Кроме того, в архиве Ознобишина сохранилось одиннадцать записей «малороссийских песен», причем почти все они относятся к 1820-м годам, так как сделаны на бумаге выпуска 1821 г. [28]

Неизвестно, каким образом попали эти песни в его собрание — мы не располагаем сведениями о том, что Ознобишин бывал на Украине, и тем более о том, что он вел там собирательскую работу. Остается предположить, что его «малороссийские песни» записаны в Симбирской губ., в отдельных уездах которой (например, в Сызранском) украинцы составляли значительную часть населения [29]. Но где бы ни были сделаны эти записи, внимание Ознобишина к украинскому фольклору, проявившееся в самом начале его собирательской деятельности, очень знаменательно. Обращение писателей-декабристов к героическим страницам прошлого Украины (вспомним «Думы» Рылеева) сыграло свою роль в возникновении того интереса к украинской истории и украинской народной поэзии, который отличал наиболее прогрессивных литераторов и собирателей 1820-х годов. Украинские записи Ознобишина свидетельствуют о том, что он разделял эти интересы. Возможно, что часть его записей связана с собирательской деятельностью Максимовича,— они совпадают с некоторыми песнями, включенными в его сборник «малороссийских песен». Так, песня «Веют ветры, веют буйны» вошла в сборник Максимовича без разночтений с записью Ознобишина, помещенной в «Урании», а песни «Ехав казак за Дунай» и «Ой, из ряда кари очи» имеют в записях Ознобишина очень незначительные отклонения по сравнению с текстами, приведенными Максимовичем [30].

В собрании Ознобишина сохранилось еще несколько записей безусловно раннего происхождения, сделанных на бумаге выпуска 1820-х годов. Эти записи носят довольно случайный характер: здесь есть заговоры, сказки, обряды, свадебные песни [31]. Все они сделаны разными почерками, видимо Ознобишин в то время сам не записывал, а начинал со сбора чужих записей. Среди этих ранних записей заслуживают особого внимания «Крестьянские обычаи Торопецкого уезда, церемонии, песни и поговорки, соблюдаемые на свадьбах». Запись эта сделана во второй половине 1820-х годов (бумага с филигранью «1825») родственником и близким другом Ознобишина И. Ф. Базилевским [32]. Часть вошедших в нее песен и обрядов отмечена знаком * на полях — именно они были впоследствии переданы Киреевскому и вошли в его Собрани

В 1828 г. Ознобишин оставил службу [34]. Это был переломный момент в его деятельности: прожив еще около года в Москве, он начинает ту кочевую жизнь, о которой пишет в своем послании к нему Языков:

Где ты странствуешь? Где ныне,
Мой поэт и полиглот,
Поверяешь длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На брегу бесславных вод... [35]

Установить все маршруты поездок Ознобишина не представляется возможным. Однако из беглых свидетельств, разбросанных в документах, письмах и воспоминаниях современников, можно с уверенностью сказать, что он подолгу жил в своем имении Троицком в Симбирской губ., ездил в Торопец, не раз посещал Северный Кавказ, длительное время провел в Чебоксарах, бывал в Казани, несколько лет прожил в Смоленске и при этом постоянно наезжал в Москву и Петербург [36].

Материалы его архива позволяют предположить, что он бывал также во Владимирской и Олонецкой губ. [37] Все эти поездки и особенно жизнь в симбирском имении дали богатый материал для его собрания.

В 1833 г. Ознобишин вторично выступает в печати как собиратель: в казанском журнале «Заволжский муравей» была опубликована его запись чувашской песни «Чирт турныча куку авдеть» и стихотворный перевод ее («Кукушка кукует на елке») [38]. В начале 1834 г. А. А. Фукс повторила ее в своих путевых записках, дополнив еще двумя чувашскими песнями, присланными ей Ознобишиным. Основываясь на пояснениях самого собирателя, Фукс рассказывает историю возникновения этих записей: Ознобишин сделал их с голоса чувашина Феди — автора и исполнителя песен. Он записывал их по ходу исполнения, передавая транскрипцию чувашских слов русскими буквами, поскольку чуваши не имели своей письменности. Запись сопровождалась подстрочным переводом. «Нешлифованный алмаз» — так называл Ознобишин «этот отрывок чувашской словесности, который надобно было подслушать и написать со слов певца, не знающего грамоты» [39]. Значение этой работы Ознобишина трудно переоценить — это первая запись произведений чувашского фольклора, благодаря которой стал известен самый факт существования чувашского народного поэтического творчества в первой трети прошлого столетия [40].

Чувашскими песнями не ограничиваются записи фольклора народов Поволжья, которые делал Ознобишин. В его собрании сохранились еще три песни — мордовская и две татарских [41]. Возможно, что таких записей было гораздо больше.

К середине 1830-х годов Ознобишин был уже настолько хорошо знаком с народной песенной традицией, что сам успешно работал над созданием стилизаций народных песен. Одна из них — «Чудная бандура» («Гуляет по Дону казак молодой.. »), напечатанная в 1836 г. в «Московском наблюдателе» [42], вскоре в свою очередь превратилась в народную песню. Начиная с 1850-х годов она встречается в различных песенниках и широко бытует в многочисленных вариантах вплоть до 20-х годов нынешнего века [43].

Именно в это время собирательская работа Ознобишина начала приобретать систематический и целеустремленный характер. Если раньше, как уже говорилось, его записи были случайны и бессистемны, то к середине 1830-х годов они посвящены уже исключительно народной песне. Вероятно, здесь сказалось влияние деятельности Киреевского и Н. М. Языкова. В 1833—1834 гг., когда Ознобишин жил в Симбирской губ., Языков поселился по соседству с ним в своем имении [44]. И сам он, и вся его семья были заняты собиранием народных песен для задуманного Киреевским и Языковым издания. Ознобишин часто виделся с ним в то время, был в курсе этого огромного труда и, в свою очередь, начал систематически записывать народные песни. Вероятно, первоначально его работа была предназначена для пополнения Собрания Киреевского [45], которому он уже передал записи торопецких свадебных песен (см. выше, стр. 513).

К сожалению, Ознобишин не датировал свои записи, поэтому хронологизация их представляет значительную трудность. Однако анализ палеографических данных (филиграней и фабричных штемпелей на бумаге) позволяет сделать вывод, что большая часть их производилась в 1830—1840-х годах [46].

Как видно из состава собрания, Ознобишин пользовался помощью многочисленных добровольных корреспондентов — целый ряд записей сделан самыми различными почерками. Кроме того, сохранилось несколько писем, подтверждающих, что ему помогали разные лица. Так, Н. Т. Аксаков прислал ему шесть песен; в 1833 г. И. Ф. Базилевский сообщает о своем намерении записать свадебный обряд; «обещанную песню» прилагает к своему письму неизвестный корреспондент [47] и, наконец, очень любопытный документ проливает некоторый свет на то, каковы были организационные методы Ознобишина. Приведем его полный текст:

«В Самарскую питейную контору
поверенного Иванова
Рапорт

При сем прилагаю списанные мною четыре песни жителей в селениях Березовом Гае, Колыване и Дубовом умете, о чем оной конторе честь имею донести

Поверенный Иванов
16 апреля 1846 года»

Видимо, поверенный Иванов сделал эти записи по распоряжению своего начальника, поэтому он и облек их в форму рапорта. В формулярном списке Ознобишина нет сведений о его причастности к питейной конторе, однако и рапорт и записи находятся в его архиве (ед. хр. 40). Известно, что позднее Ознобишин занялся откупами [48]. Возможно, что и в 1846 г. он уже был близок к этому делу. Тогда необычное содержание рапорта поверенного питейной конторы получает объяснение — связанный с конторой деловыми отношениями, Ознобишин мог просить, чтобы разъездные агенты записывали во время своих поездок народные песни. Во всяком случае, приведенный документ свидетельствует об очень важном обстоятельстве: Ознобишин понимал, что один он не много сможет сделать, и, перенимая опыт Киреевского, пользовался широкой помощью энтузиастов из народа, охотно шедших ему навстречу. Это подтверждается также рядом других записей, сделанных неуверенной рукой, со множеством орфографических ошибок и без учета тех элементарных правил фольклорной записи, которые были уже выработаны собирателями того времени.

Анализ собрания Ознобишина позволяет сделать некоторые выводы по поводу избранных им приемов обработки полученного материала. По характеру записей собрание делится на две части: 1) черновые записи и 2) песни, переписанные набело и объединенные в сборники («Муромские бредни», «Народные песни», «Песенник», «Русские песни» и две тетради без названия — ед. хр. 12, 16, 18, 23, 5, 27). По содержанию эти две части никак не совпадают: ни один из черновиков не вошел в беловые рукописи и, следовательно, песни, переписанные набело, не имеют черновика (исключение составляют две олонецкие песни [49]). Из этого можно сделать вывод, что Ознобишин не считал нужным хранить свои черновые записи после того, как они были переписаны набело. Те же черновики, которые сохранились в его собрании, уцелели постольку, поскольку он не успел их обработать.

В ряде случаев Ознобишин сопровождал переписанные песни комментариями по поводу их происхождения, содержания, обстоятельств записи. Так, из десяти песен, составляющих «Муромские бредни», три имеют пояснения. Таков комментарий к исторической песне об Иване Грозном и Марии Темрюковне («Что женился наш батюшка царь-государь»): собиратель не только поясняет в нем событие, о котором поется, но и сообщает о примечательной личности исполнителя песни: «Переложена на бумагу со слов 136-летнего старца Муромского уезда в селе Борисоглебском» (ед. хр. 12, запись 7).

В архиве Ознобишина хранятся песни, записанные в самых различных местах,— песни торопецкие и муромские, олонецкие и украинские [50]. Однако основную часть собрания составляют песни, записанные в Симбирской губ. [51], где он не только часто бывал, но и подолгу жил, особенно в 1830—1840-х годах [52].

Итогом собирательской деятельности Ознобишина должен был стать сборник народных песен, который он начал готовить к печати. Рукопись этого сборника под наз-

ванием «Русские песни» (ед. хр. 23) состоит из шести тетрадей, сшитых из плотной серой бумаги с филигранью, относящейся к 1841—1846 гг.

Палеографические данные и содержание сборника помогают приблизительно определить время его создания. Ознобишин мог начать свою работу не ранее 1841 г., поскольку бумага сборника относится к выпуску 1841—1846 гг. Название последнего раздела сборника — «Песни Симбирской губернии Самарского уезда» — позволяет установить, что работа была прекращена не позже 1850 г.: в этом году Самарский уезд был исключен из состава Симбирской губ. [53] Содержание остальной части архива дает возможность уточнить эту дату: четыре записи, приложенные к рапорту Иванова (см. выше, стр. 518), сделаны в Самарском у. в 1846 г. (ед. хр. 40), однако в сборник они не вошли, несмотря на наличие в нем специального раздела песен Самарского у. Видимо, к 1846 г. Ознобишин по каким-то причинам прекратил свою работу над составлением сборника. Это подтверждается и наличием в его собрании других записей, сделанных в Симбирской губ. в середине 1840-х годов, которые тоже остались в черновом виде и не попали в состав «Русских песен» (ед. хр. 6, 20, 21, 28).

В сборник включено 88 песен, тщательно переписанных набело рукой Ознобишина. Весь материал расположен по географическому принципу: песни Оренбургской губ. (№ 1—6), «Песни Симбирские», которые «поются в Ардатовском и Курмышском уездах» (№ 7—38), «Песни Олонецкие» (№ 39—56) и «Песни Симбирской губернии Самарского уезда» (№ 57—88). Многие тексты сопровождаются комментариями и вариантами. Каждый текст расположен на отдельном листе и имеет свой порядковый номер. В конце прилагается алфавитный указатель песен со ссылкой на эти номера. Все это свидетельствует о том, что Ознобишин готовил свой сборник к печати. Необходимо отметить, что работа по комментированию текстов, проделанная им, выполнена на уровне современной ему научной фольклористики и ставит его рукопись в один ряд с наиболее тщательно составленными фольклорными публикациями той поры. Так, например, в географическом принципе расположения материала и в характере комментариев Ознобишин следует методике Киреевского, который таким же образом расположил песни в изданном им сборнике и обещал в предисловии, что в примечаниях «об каждой песне указано будет, откуда она взята, в каком уезде и часто даже в какой деревне поется» [54].

То же делает и Ознобишин. Кроме того, в ряде случаев к сведениям о том, где записан основной текст песни, прибавляются многочисленные варианты, нередко с указанием, в каких селах эти варианты исполняются [55] (см., например, № 21, 30—32 и др.*). Есть все основания полагать, что в характере комментария Ознобишин сознательно следовал примеру Киреевского, «Духовные стихи» которого безусловно были ему хорошо известны задолго до их опубликования: рукописным экземпляром этого сборника владел Языков, получивший его, как видно из владельческой надписи на переплете, в 1845 г., т. е. как раз в то время, когда Ознобишин работал над своими «Русскими песнями» (см. стр. 617). Постоянно общаясь с Языковым, он должен был хорошо знать этот сборник. Знал он безусловно и «Свадебные песни», подготовленные Киреевским к печати еще в 1838 г., но не увидевшие света (см. стр. 51—52),— комментарии Ознобишина очень напоминают по своему характеру комментарии этого сборника.

Вариантами и сведениями о географическом происхождении текстов не исчерпывается содержание примечаний Ознобишина. В ряде случаев он указывает на искажения текста в том или ином варианте, отмечает изменения напева, иногда комментирует содержание (см. его примечания к песням № 2, 41, 50, 53, 65, 66, 80, 81). В этом также находят отражение принципы, разработанные Киреевским. В своей «Прокламации» Киреевский указывает, что «песни, которые поются в народе, должны быть записываемы слово в слово все, без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие; иногда поющий смешивает части нескольких песен в одну, и настоящая песня открывается только при сличении многих списков, собранных в различных местах» [56].

---

* Здесь и ниже при ссылке на тексты и комментарии Ознобишина из его сборника «Русские песни» дается нумерация текстов, принятая самим собирателем.

Этому принципу Киреевского следует в своих записях и комментариях к ним и Ознобишин. Так, например, комментируя песню «Вот не полно ль нам, ребята, чужо вино пити?» (№ 83), он отмечает: «Песня № 83 поется во многих местах вместе с № 82, но очевидно, что она составляет особую песню». В других случаях Ознобишин приводит песни, дошедшие в явно искаженном виде, а в комментарии поясняет характер этих искажений: о песне «Ай молодость, молодость» (№ 2) говорится, что она «дошла до нас в испорченном виде, что показывает странная перемена ударений в иных словах...»; в комментарии к песне «Не вечерняя заря потухала, братцы» (№ 81) указывается, что «эта песнь в напеве своем в разных местах весьма испорчена, так что и восстановить ее совершенно трудно». В некоторых случаях Ознобишин все же вносит изменения в текст, исправляя ритм, но каждый раз тщательно оговаривает эти изменения (например, песни № 5, 9, 49, 51, 53—56).

Последовательно отмечая географическое происхождение своих текстов, Ознобишин нигде не указывает, от кого они получены. Исключение составляют песни Оренбургской губ., о которых сказано, что они «доставлены Н. Т. Аксаковым». Не совсем ясным остается происхождение восемнадцати олонецких песен. В архиве сохранились черновые записи двух из них, сделанные рукою Ознобишина [57]. Это позволяет думать, что олонецкие песни записаны им самим. Однако комментарий, заключающий этот раздел сборника, содержит чрезвычайно интересную подробность: «Этим 56 №,— пишет Ознобишин,— *заключаются олонецкие песни, которых богатейшее собрание предполагает издать Св. А. Раевский*» (курсив наш.— *Т. Д.*). Текст комментария сформулирован не совсем точно — его можно понять и просто как указание на работу Раевского, и как ссылку на источник, откуда взяты в сборнике Ознобишина олонецкие песни.

Знал ли Ознобишин Раевского лично или ему стало известно о его собрании через третьих лиц, остается пока невыясненным. Однако можно предположить, что личное знакомство между ними не только существовало, но что Ознобишин был своего рода связующим звеном между Раевским и Киреевским. В статье «О простонародной литературе» Раевский сообщает о подготовленном к печати Собрании Языкова и Киреевского (в это время «Свадебные песни» последнего находились в цензуре — см. выше), перепечатывает «Песенную прокламацию» (незадолго до этого она была опубликована в «Симбирских губ. ведомостях») и рекомендует олонецким собирателям посылать свои записи в Симбирск, на имя П. М. Языкова [58]. Все это свидетельствует о том, что Раевский не только был в курсе собирательской деятельности Киреевского, но знал даже о таких подробностях, как отъезд Н. М. Языкова за границу, последовавший весной 1838 г.: он адресует собирателей в Симбирск не к нему, а к его брату Петру. Такая осведомленность предполагает существование тесных связей между Раевским и кругом Киреевского. Однако до сих пор об этом ничего не было известно. Упоминание о Раевском и его собрании в комментарии Ознобишина — первое, хотя и косвенное, подтверждение этих связей. Возникает предположение, что осуществлялись они именно через Ознобишина — быть может, это он информировал Раевского о деятельности Киреевского и доставил ему из Симбирска «Песенную прокламацию». Как бы то ни было, из его комментария мы узнаем впервые, что С. А. Раевский не ограничился пропагандой необходимости собирания фольклора Олонецкой губ. и публикацией «Причитаний» [59], но действительно составил большое собрание олонецких песен, существование которого исследователи могли до сих пор только предполагать [60].

Ознобишин не закончил работу над сборником «Русские песни». Об этом свидетельствуют и наличие в его архиве записей симбирских песен, не вошедших в сборник (36 текстов — ед. хр. 6, 20, 21, 28, 40), и то обстоятельство, что в алфавитном указателе оставлены места для будущих записей, и, наконец, фрагменты выписок, которые Ознобишин делал «для предисловия к русским сказкам и песням» (ед. хр. 39). Последний документ содержит очень важное указание: песенными текстами, сохранившимися в архиве, не ограничивается круг собирательской деятельности Ознобишина — видимо, в его собрании были и сказки, которые тоже готовились к печати. Этот вывод подтверждается тем, что в его архиве сохранились записи двух сказок (ед. хр. 37 и 38).

Песни, тексты которых должны были войти в «сборник», сохранились тоже далеко не полностью. Об этом свидетельствует сделанный рукой Ознобишина беловой спи-

ПОЧТОВЫЙ ТРАКТ

Акварель неизвестного художника. Первая половина XIX в.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина, г. Пушкин

сок двух песен — «О Прутцком короле» и «О походе на царство Казанское» (ед. хр. 28). Список предназначался для публикации в журнале, как это видно из примечания к нему: «Обе эти песни из неизданного большого собрания песен, собранных по Симбирской губернии Ознобишиным». В рукописный сборник ни одна из них не вошла. Очевидно, «большое собрание песен» было значительно шире этого сборника и должно было влиться в него. В собрании Ознобишина сохранился ряд песен, записанных в середине 1840-х годов в Ставропольском, Сызранском, Самарском и Ардатовском у. Симбирской губ. (ед. хр. 6, 20, 21, 28), не вошедших в состав сборника «Русские песни».

Причины, по которым Ознобишин прекратил работу над сборником и отказался от мысли опубликовать свои записи, остаются неизвестными. Можно предполагать, что это связано с его отъездом из Симбирской губ.: в конце 1840-х годов он надолго уехал за границу для лечения [61], а затем несколько лет жил в Смоленске [62], занимаясь финансовыми операциями по откупам [63]. Возможно, что именно эта новая деятельность была одной из причин его отхода от всякого рода литературной работы: ни в эти годы, ни позднее Ознобишин уже не пытался довести до конца свой замысел.

Подводя итоги обзору деятельности Ознобишина-фольклориста, можно сказать, что среди собирателей круга Киреевского он занимает свое самостоятельное и далеко не последнее место. Сохранившаяся часть его архива содержит целый ряд первоклассных записей лирических, обрядовых и исторических песен, которые дают новые варианты текстов, ранее известных, а в некоторых случаях вводят в научный оборот совершенно новые тексты. Фрагментарный характер сохранившейся части архива не позволяет оценить собирательскую деятельность Ознобишина во всем ее объеме. Однако совершенно очевидно, что в Гослитмузей поступила лишь небольшая часть обширного и очень ценного собрания, которое заслуживает того, чтобы были предприняты его дальнейшие розыски [64].

Один из первых корреспондентов Киреевского, чей вклад в свое Собрание Киреевский отметил в предисловии к изданию «Русских народных песен», Ознобишин и в своей самостоятельной работе был его последователем и учеником. Он использовал разработанную Киреевским методику записи песен, а также его принципы комментирования и расположения материала. Все это дает основание включить записи Ознобишина в том, посвященный Собранию Киреевского, хотя они и не входят непосредственно в это Собрание.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Чтения», стр. V.

[2] Александра Фукс. Поездка из Казани в Чебоксары. Казань, 1834, стр. 69—76.

[3] «Русский биографический словарь», т. 12. СПб., 1905, стр. 199.

[4] Исключение составляет В. И. Чернышев, имевший доступ к собранию Ознобишина в начале 1930-х годов, в то время, когда оно находилось в руках П. К. Симони. Чернышев опубликовал пять песен из этого собрания (Чернышев, стр. VII, 237—239, 269—271, № 225, 226, 247—249).

[5] ГЛМ, отдел фольклора, ф. 5636.

[6] О том, что собрание находилось в руках Д. И. Ознобишина, сообщил Б. Л. Модзалевский («Русский биографический словарь», т. 12, стр. 199).

[7] «Трубадур».— «Каллиопа», 1820, ч. IV, стр. 245—247.

[8] См. об этом в статье Н. Державина «Забытые поэты» («Исторический вестник», 1910, № 9, стр. 864).

[9] Этой стороне деятельности Ознобишина посвящен очерк Татьяны Гольц «Сердце брата». Душанбе, 1964.

[10] См. Н. В. Гербель. Русские поэты. СПб., 1880, стр. 349—357; Н. Державин. Указ. статья, стр. 861—869; «Биография Д. П. Ознобишина». СПб., 1878; «Русский биографический словарь», т. 12, стр. 197—199.

[11] Ознобишин так же, как и любомудры, был членом литературного «Общества друзей», основанного преподавателем Университетского пансиона С. Е. Раичем. См. об этом: Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884, стр. 11; ⟨Н. П. Колюпанов.⟩ Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. II. М., 1889, стр. 61—64 и далее.

[12] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 219.

[13] «Сын отечества», 1826, № 5, стр. 63.

[14] Ср. мысль И. В. Киреевского о том, что для развития словесности необходимо «*свое* семя, *своя* почва, удобренная богатыми знаниями, деятельной и доблестной жизнью — Историей...» («Московский вестник», 1827, № 5, стр. 69).

[15] «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем». М., 1827, стр. II.

[16] «Московский вестник», 1827, № 24, стр. 389.

[17] «Сын отечества», 1826, № 8, стр. 360—361.

[18] Письмо к В. И. Туманскому от середины февраля 1827 г.— Пушкин, т. XIII, стр. 320.

[19] В. Юрлов. Воспоминания об А. С. Пушкине.— «Симбирские губ. ведомости», 1899, № 37.

[20] Ср. «Московский вестник», 1827, № 11, стр. 371—380.

[21] «Московский вестник», 1827, № 23, стр. 310.

[22] Подробное описание фольклорных материалов, опубликованных в «Московском вестнике»,— см. Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 223.

[23] «Северная лира на 1827 год». М., стр. 158—159.

[24] ⟨Н. П. Колюпанов.⟩ Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. I, стр. 573—575.

[25] «Из писем Н. П. Барсукова к М. А. Максимовичу».— «Русский архив», 1908, № 5, стр. 103; Татьяна Гольц. Сердце брата, стр. 77—82.

[26] П. И. Бартенев. Указатель статей и материалов по истории, словесности, статистике и этнографии России, помещенных в «Москвитянине» за 1841—1853 годы. Б. г., б. м.

[27] «Урания». М., 1826, стр. 148—150.

[28] ГЛМ, отд. фольклора, ф. 5636, ед. хр. 14 и 15 (на бумаге с филигранью «1821»), 19 (бумага без филиграней, но почерк и тип бумаги носят еще более ранний характер, чем № 14 и 15).

[29] «Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии». Симбирск, 1868, стр. 21.

[30] «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем». М., 1827, № 26, 48, 98. Ср. записи Ознобишина — ГЛМ, отд. фольклора, ф. 5636, ед. хр. 14 и 15.

[31] Записи «малороссийских» песен на бумаге с филигранью «1821» (ед. хр. 14, 15, 19), «Сказка про Ивана дурака» на бумаге выпуска 1826 г. (№ 38), свадебные обряды и песни Торопецкого у. на бумаге с филигранью «1825» (№ 10), две записи заговоров на бумаге с филигранью «1828» и «1829» (№ 35 и 32).— Мы указываем только те записи, бумага которых поддается точному определению. Кроме них, в архиве есть еще несколько записей безусловно ранних: сказки, заговоры и свадебные песни.

[32] Принадлежность записи И. Ф. Базилевскому установлена путем сличения почерка с письмами Базилевского к В. Н. Латкину (ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 2, ед. хр. 14).— О личности Базилевского сведений почти не сохранилось. Известно только, что он был мужем сестры Ознобишина и был очень дружен с Ознобишиным.

[33] «Чтения», стр. V.

[34] Ознобишин был уволен от службы в Московском почтамте 24 октября 1828 г. («Формулярный список» Д. П. Ознобишина.— ЦГАЛИ, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 4).

[35] Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.— Л., «Academia», 1934, стр. 404—405, 682—683 и 820 (ответ Ознобишина). Впервые — «Московский наблюдатель», 1835, № 2, стр. 194.

[36] «Формулярный список» Д. П. Ознобишина; письмо И. Ф. Базилевского к Ознобишину от 20 марта 1833 г. (ИРЛИ, ф. 213, № 121); А. А. Фукс. Поездка из Казани в Чебоксары, стр. 69—76; Е. А. Бобров. А. А. Фукс и казанские литераторы 1830—40-х годов.— «Русская старина», 1904, № 7, стр. 8; «Отечественные записки», 1840, № 3, стр. 151—152 и № 6, стр. 281; «Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 год». Смоленск, 1856, стр. 4; то же на 1858 год, стр. 4.

[37] Ед. хр. 12 и 31, письмо к Н. С. Вагину от 9 января 1846 г. (ИРЛИ, ф. 213, № 81).

[38] «Заволжский муравей», 1833, № 21, стр. 1204—1208.

[39] А. А. Фукс. Поездка из Казани в Чебоксары, стр. 69—76.

[40] Подробно о значении этих записей Ознобишина см.: Е. В. Владимиров. Русские писатели в Чувашии. Чебоксары, 1959, стр. 57—72.

[41] Ед. хр. 11, 23 (запись № 66) и 30.

[42] «Московский наблюдатель», 1836, ч. VII, № 5, стр. 46 (сообщено Э. В. Померанцевой).

[43] «Песни и романсы русских поэтов». М.— Л., 1965, стр. 1014.

[44] См. «Формулярный список» Д. П. Ознобишина; Письма Киреевского к Языкову, стр. 32 и далее; «Чтения», стр. III—V (предисловие).

[45] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 365.

[46] Бумага, на которой записаны «Муромские бредни» (ед. хр. 12), относится к 1833 г.; ед. хр. 20 — к 1843 г.; ед. хр. 5, 21, 29 — к 1844 г.; ед. хр. 40 — к 1846 г.; ед. хр. 23 — к 1841—1846 гг. и т. д.

[47] См. ед. хр. 23 (запись № 1—6); письмо Базилевского от 20 марта 1833 г. (ИРЛИ, ф. 213, № 121) и письмо неизвестного 1852 г. (ГЛМ, ф. 5685, ед. хр. 41). Вспомним, что Базилевский еще раньше передал Ознобишину записи свадебных песен Торопецкого у. В архиве Ознобишина сохранилось еще несколько аналогичных записей, сделанных рукой Базилевского, которые нет возможности датировать (ед. хр. 13, записи № 1—3).

[48] См. письма Ознобишина к И. П. Бобылеву за 1850 г. (ИРЛИ, ф. 213) и к Н. В. Путяте от 26 апреля 1854 г.— ЦГАЛИ, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 119, л. 1.

[49] Эти песни (ед. хр. 31) сохранились в черновой записи, несмотря на то, что были переписаны набело и включены в сборник «Русские песни» (ед. хр. 23, записи № 49 и 50). Однако это случайность — на обороте черновика записан «Заговор, или Волхование олончан», который Ознобишин не подверг обработке и потому сохранил; сами же песни зачеркнуты как ненужные.

[50] Песни торопецкие — ед. хр. 10, 13, 24 (первые две сделаны рукой Базилевского; последняя — рукой Ознобишина); муромские песни — ед. хр. 12; олонецкие песни — ед. хр. 23 (записи № 39—56) и 31; «малороссийские» песни — ед. хр. 14, 15; оренбургские песни — ед. хр. 23 (записи № 1—6).

[51] Ед. хр. 14, 15, 19, 21, 23 (записи № 7—38, 57—88), 28, 40.

[52] «Формулярный список» Д. П. Ознобишина. Ознобишин владел в Корсунском у. Симбирской губ. двумя имениями — Троицкое и Красная Сосна.

[53] «Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии». Симбирск, 1868, стр. 9, 118.

[54] «Чтения», стр. VII.

[55] Это сделано в отношении песен, записанных в Симбирской губ.; оренбургские и олонецкие песни такого комментария не имеют.

[56] «Прокламация» цит. по статье С. А. Раевского «О простонародной литературе».— «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 317 (ср.: Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 350).

[57] См. выше, прим. 49.

[58] Уезжая весной 1839 г. из Петрозаводска, Раевский сообщил в «Прибавлениях» к «Олонецким губ. ведомостям», что собранные песни можно посылать не только в редакцию «Ведомостей», но и в г. Симбирск, на имя П. М. Языкова («Лит. наследство», т. 45-46, стр. 316; там же см. о деятельности Раевского-фольклориста — стр. 313—319).

[59] См. «Прибавления» к «Олонецким губ. ведомостям» от 4 июня, 8 октября, 15 и 26 ноября, 17 декабря 1838 г. (№ I-II, XII, XIII, XIX, XXI).

[60] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 350.

[61] См. письма Ознобишина к С. А. Соболевскому за 1848 г. (ЦГАЛИ, ф. 450, альбом Соболевского, лл. 267, 269) и письмо к М. П. Погодину от 5 июня 1851 г. (ЛБ, ф. 231, II, карт. 22, № 83).

[62] См. письма Ознобишина к М. П. Погодину от 1 сентября 1853 г. и 5 марта 1854 г. (ЛБ, ф. 231, II, к. 22, № 83); «Формулярный список» Ознобишина; «Памятная книжка Смоленской губ. на 1856 год», стр. 3—4; то же на 1858 год, стр. 4.

[63] См. прим. 48.

[64] Нами была сделана попытка разыскать собрание Ознобишина в Ульяновске, однако ни в Ульяновском областном архиве, ни в рукописном отделе ульяновского «Дворца книги» ничего не было обнаружено. Возможно, что архив Ознобишина остался в Смоленске, где он жил в конце 1840—1850-х годов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

№ 1

Как за речинькой, как за быстрою
Не огонь горит и не поломя,
Тут горит-болит ретиво сердце,
Ретиво сердце, сердце девушки,
Не по батюшке, не по матушке, —
По милом дружке по сердешненьком.
Злы татарынька города берут,
Города берут, думу думают,
Чтó кому из них там достанется:
10 Золотой кому, кому сребряный,
Кому добрый конь, красна ль девица.

№ 2

Уж вы, горы, мои горы,
Вы круты горы, высоки!
Прикажите-ка вы, горы,
Под собою ночевать.
Что не год нам годовать,—
Одну ночку ночевать.
Уж мы взойдемте, ребяты,
На круту гору, высоку,
Мы посмотрим-те, ребяты,
10 Вниз по матушке по Волге.
Еще что у нас на быстрой
Не черным-то зачернелось,
Не белым-то забелелось,—
Зачернелися на Волге
Черноморские стружочки,
Забелелися на матке
Тонки белы парусочки.
Как не черный ворон взгаркнет,
Вор Гаврюшка слово скажет:
20 — Уж вы гой еси, ребяты,
Мое вольное собранье!
Уж вы гряньте не робейте,
Белых рук не жалейте,
Что б к заутрене нам, ребяты,
В Казань-город поспеть.

№ 3

2-я песня в том же селе

Ах ты, ягодка самородинка,
Молодехонька в саду выросла, *2 раза*
Зеленехонька позаломана, *2*
Во три прутика в пучок вязана, *2*
Вдоль дороженьки поразбросана *2*
До того ли села, села Нового, *2*
До того ли дворца государева, *2*
До того ли крыльца, крыльца красного. *2*
Как на том ли крыльце не огонь горит, *2*

«СЕМЕЙСТВО РУССКИХ КРЕСТЬЯН»
Картина В. Эриксена (пастель), 1768
Русский музей, Ленинград

10 Не огонь горит, майор стоит, 2
Майор стоит со майоршею. 2
У майора-то ноги скованы, 2
У майорши-то руки связаны. 2
На часах стоял млад донской казак, 2
Перед ним стоит красна девушка, 2
Красна девушка, дочь майорская. 2
— Ох ты гей еси, млад донской казак, 2
Ты за что сковал мого батюшку? 2
Ты за что связал мою матушку? 2
20 — Ах ты, глупая красна девушка, 2
Неразумная дочь майорская! 2
Я не сам собой сковал батюшку, 2
Я не сам собой связал матушку, — 2
По указу сковал государева, 2
По приказу связал генеральскова. 2

№ 4

ПЕСНЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВОГО

Как во светло было во Христово воскресеньице
Стоял наш государь-царь у заутрени
Во черном платье государь-царь во кручинном.
Позади его стояли князья-бояре,
Промеж собой бояре слово молвили:
— Мы князья-бояре в платье цветном,
А наш государь-царь в платье черном и в кручинном.
Свирепо государь-царь оглянулся на бояр:
— Ох вы, глупые бояре, неразумные,

10 Вы не знаете моей кручины и не ведаете.
Изменил мене изменник большой боярин,
Артамон Головин сын Михайлович.
Потерял он три полка, три любимые:
Первый полк потерял Измайловской,
Второй полк потерял Ермолаевской,
Третий полк потерял донских казаков.
Не жаль мне столь двух полков,
Как жаль донских казаков, славных воинов.

№ 5

О ПРУТЦКОМ КОРОЛЕ

Что никто, братцы, не знает и не ведает,
Мы стоим на карауле государевом,
Смотрючи и глядючи в землю Прутцскую,
Хвалится-похваляется прутцкий король:
— Святорусскую землюшку всю насквозь пройду,
Уж я Ладанское озеро суднами загружу,
Я Нов славный город мимоход возьму,
Я Кодинский славный монастырь выжгу, выпленю,
Я во славную каменну Москву ночевать приду,
10 Благоверного государя во слуги возьму,
Благоверную государыню во рассыльщики.
Перепалася скора весточка в каменну Москву,
Ко славному ко воину к Шереметеву
Середи ли самой ночи, ночи темныя.
Ото сна князь Шереметев пробуждается,
Надевает сафьянны чёботы на босу ногу,
Надевает кунью шубу на одно плечо.
Выходил наш князь на красен крылец
И кричал князь Шереметев громким голосом:
20 — Ой вы гой еси, солдатушки слуги верные,
Собирайтеся в поход идти скоро-наскоро!
Со вечера солдатушкам приказ отдали,
Со полуночи солдатушки ружья чистили,
Ко белу свету солдатушки во поход пошли,
Во славную во землюшку во Прутцкую.

№ 6

За рекой было, за Невагою,
За другой рекой перед Прагою
Не полынушка в поле зашаталася,
Зашатался удал добрый молодец.
Он не сам зашел, не охотою,
Занесло молодца неволею;
Что неволюшка — нужда крайняя,
Жизнь боярская, служба царская,
Царя белого, Петра Первого,
10 Со всей армией, с конной гвардией.

Эта же песня в Самарском уезде поется иначе:

Как за речинькою за Невагою,
За другой рекой Перебрагою,
В луговой было во сторонушке,

За большой было за дороженькой,
Не ковыль-трава зашаталася,
Зашатался тут добрый молодец.
Он не сам зашел, не охотою,
Занесла его тут неволюшка,
Что неволюшка — нужда крайняя,
10 Служба царская, жизнь боярская!
Тяжело житье в егерях служить,
В егерях служить царю белому,
Царю белому — Петру Первому.

В Липовке

Был за реченькой, за Невагой,
За другой рекой, переправою,
Я не сам-то зашел, не своей охотою,
Занесла-то меня большая неволюшка,
Чужая сторонушка, нужда крайняя,
Жизнь боярская — служба царская,
Царя белого, Петра Первого,
Во-вторых, служба Николая Павлыча.
Я служил-то, служил день до вечера,
10 До глухой полуночи,
С полуночи часу до девятого.
Не по небушку звезды рассыпалися,
Рассыпалася наша сила-армия,
Конна гвардия.
По лужкам зеленым, по кустам ракитовым,
По цветам лазоревым.

№ 7

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор ли, гор высокиих,
Выступала сила войнская,
Сила войнская царя белого.
Тридцать три полка царя белого,
Царя белого — гусары Петра Первого,
Петра Первого гусары со знаменами.
В барабаны бьют гусары по веселому,
А указы прочитали по печальному:
10 — Как у нас ли вот, гусары, урон сделался,
Урон сделался, гусары, генерал помер.
Генеральского конечка в поводу ведут,
Самово-та генерала на главах несут.
— Вы несите тело бело на сине море,
Вы обмойте тело белое морской водой,
Схороните тело бело промеж трех дорог,
Промеж питерской, московской, третьей — киевской.

№ 8

КАЗНЬ ДОЛГОРУКОВА

По большой-то дороженьке
Не купца-то ведут и не барина —
Самого-то князя Долгорукова.
Наперед идет сам грозный палач.

По бокам-то идут два полка солдат,
Оба тысячные;
Позади-то идет сама барыня,
Она идет-то, идет, как река льется,
Слезы катятся, как волна бьется.
10 Как назад-то князь оглянулся:
— Ты не плачь-ка, не плачь, моя барыня!
— Уж как-то мне не плакаться!
Все крестьянушки приописаны,
В золотой-то казне нам воли нет,
Только есть-то у меня золото кольцо
От родимой матушки,
Уж я тем-то кольцом буду палача дарить.

№ 9

ПЕСНИ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

Пишет письмы король прутской
Государыне во дворец:
— Всероссийская государыня,
Бы не огневалась на меня,
Очищала бы квартиры,
Постоялые дворы,
Генералам-кавалерам
По боярам бы стоять,
Моим прутским бы солдатам
10 По посадским мужикам,
Самому мне, королю, быть
У государыни во дворце.
Наша матушка государыня
Закручинилась весьма
И запечалилася.
Повесила буйну голову
Из могучих своих плеч,
Потупила очи ясны
В белодубов славный пол.
20 По правую руку сидел
Краснощеков генерал,
Краснощеков генерал,
Как клеит, говорит:
— Наша матушка государыня,
Не кручинься ни о чем,
Не печалуйся ни в чем!
Я умею гостя встретить
И потчевать его.
Я со честью гостя встречу
30 И со радостью такой:
Не со пушечной пальбой, —
Из мелких ружьев со стрельбой.
Не прогневайся, прутской король,
Призачерствели они:
Эти сухари в Туле крошены,
В Москве высушены.
У нас есть пироги
Черным маком чинены,
На раскатье сушены.

№ 10

ПЕСНЯ О ПУГАЧЕВСКОМ БОЕ

Из уральского городка
Протекла кровью река!
Сколыбались долы, горы,
Потряслась мать сыра земля,
Помутилася вода,
Покатилась рыба вниз,
Полетела птица с гнезд,
Побежали звери в лес.
В семьдесят третьем году
10 В Оренбурге-городу
Приходили новые вести:
Не бывать, братцы, на месте.
Майор Шкобский господин
Ордерар он получил
И поход нам объявил.
Мы походу не боялись,
Больше радовались.
Мы походом скоро шли,
В Озерну крепость пришли.
20 В Озерную приходили,
Нас по фасам становили;

СОЛДАТЫ У КОСТРА
Картина К. Ф. Кукевича (масло), 1839
Третьяковская галерея, Москва

Мы по фасам-то стояли,
Много нужды принимали,
Горячих слез проливали,
Пугачева в гости ждали.
Пугачев-ат приходил,
В нас из пушечек палил.
Пальба была престрашна,
Нам, солдатам, не ужасна.
30 Демарин полковник смел,
На коня он скоро сел,
На коня скоро садился,
Он по фасам разъезжал,
Всем приказ нам подтверждал:
— Ох, вы слушайте, ребята,
Государевы солдаты!
Вы палите не робейте,
Своих ручек не жалейте.
Пугачева победим,
40 Себе славу получим.
Пугачев-ат злодеян
Громко закричал:
— Исполать те, Демарин,
Больно храбро поступил,
Моих слуг победил:
Полковников до пяти,
Атаманов до шести,
Рядовых до семи.
Отступать будем на Бердо
50 Мы на Бердо-то придем,
Много силы наберем,
По Уралу вверх пойдем,
Мы во Троицку взойдем
Наделим вас серебром,
Кабаки все разобьем,
И вино будет свое.

№ 11

ПЕСНЯ О ТУРЕЦКОМ КОРОЛЕ

Поле, поле чистое,
Ты раздольицо широкое!
Когда, поле, перейдем тебя,
Долы-горы перевалимся,
Все дорожки перекатимся,
Быстры речки переправимся,
Мы дойдем-дойдем до лагеря,
До лагеря до Очакова.
В декабре-то было месяце,
10 На Николу было Зимнего.
Не спеши, зима, с морозами,
Не бушуйте, ветры буйные,
Не защита вы Очакову,
Не спасенье врагам нашиим
Середь поля чистого.
Выступал тут Потемкин князь,

Князь Потемкин, предводитель наш,
Говорил он таковы слова:
— Ох вы гой еси, солдатушки,
20 Солдатушки, мои детушки!
Нам пришла пора Очаков взять,
Час приблизился Луну сорвать
Со окопов белокаменных,
Разметать башни турецкие,
Погубить врага мечу русскому.
Возговорит турецкий хан:
— Скипетр мудрая государыня
Покорила наш Очаков-град.

№ 12

На святой Руси, в каменнóй Москве,
В главной улице, в новой крепости,
У собора было у Успенского
Молодой солдат на часах стоял,
На часах стоял с строевым ружьем.
Он ударил ружьем бел-горюч камень:
— Ты рассыпься-рассыпься, бел-горюч камень,
Расступись-расступись, мать сыра земля,
Ты раскройся-раскройся, гробова доска,
10 Развернися-развернися, золота парча,
Расстелись с тела, тонкий бел саван,
Ты восстань-восстань, наша матушка,
Катерина свет Алексеевна!
Все полки твои во строю стоят,
Во строю стоят, в одну линию,
Пребраженский полк во поход пошел
Во ину землю, землю Шведскую,
Во ину землю, во Турецкую.

№ 13

Разоренная путь-дороженька!
От Можая до Москвы!
Разорил ту путь-дороженьку
Неприятель, вор-француз.
Разоривши путь-дороженьку,
В свою землю жить пошел,
Ко Парижу подошел;
Там недолго постоял,
Три словечушка сказал,
10 Париж-город выхвалял.
Не хвались-ка ты своим
Ты Парижем дорогим!
Есть у белого царя
Есть получше города,
Как первые города
Есть там Питер и Москва,
Распрекрасная Москва —
Всей России красота.
Белым камнем складена,

20 Дикаречком услана,
Песочком усыпана;
На бумажке списана
В Симбирск-город прислана.

№ 14

Как на горочке-то был я, на горе,
На высокой-то я был ли, на крутой,
Тут построена где матушка Москва,
Москва-матушка губерний всех краса,
Всей Россиюшки и честь и похвала.
Восхвалил Москву француз Наполеон,
Полеонщичек был парень молодой.
Нет заботушки за парнем никакой,
Есть заботушка небольшинькая,
10 Заботушка — красна девушка,
Красна девка душа Машенька,
Из конца в конец Москву он всю прошел,
Лучше Машеньки нигде он не нашел.
Середи Москвы он силу становил;
Становив силу, он начал тут смекать.
Смекнул силушку полков уж сорок пять.
Закричали тут солдатушки: ура!
Что ура! ура! — солдатская беда!
Солдатушки мои бедные!
20 Заряжайте пушки медные,
Вы стреляйте в каменну стену!
Каменна стена пошатилася,
Бела глинушка повалилася.

Прим. Песнь, сочиненная в насмешку Наполеону и в которой разыгрался простонародный русский юмор.

⟨Варианты⟩

ст. 4. Москва всем губернюшкам красота.
⟨ст. 5.⟩ Всей Россиюшки честь и хвала.
⟨ст.⟩ 6. Восхвалил Москву франиц Палион.

№ 15

Как у нас ли во Россеюшке
Лучше нет еще каменной Москвы;
Что во той Москве белокаменной
Вдруг ударили в большой колокол
Во услышанье всему городу,
Во известие всей Россеюшке,
Что случилось в ней несчастьице,
Что несчастьице, безвремениице:
Будто помер царь у нас батюшка,
10 Помер царь Александр Павлович.
Схоронили его за Невой-рекой,
На крутой горе, на желтом песку,
На цветах ли на лазоревых.
В головах его стал донской казак,
Во ногах стоит часовой солдат,
У него в руках строево ружье,
Заряженое, припыженое.

№ 16

Собирался император
Свою армию смотреть,
Обещался император
К рождеству ли домой быть.
Все празднички проходят,
Александра дома нет.
Его матушка родима
Стосковалася об нем,
Молода его супруга
10 Что ни день, ни ночь не спит.
Вот пойду-пойду на башню,
Которая выше всех,
Погляжу я в ту сторону,
Где Александр должен быть.
По питерской по дорожке
Что не пыль в поле пылит,
По московской по широкой
Младой курьер бежит.
— Ты скажи, курьер,
20 Какую весть несешь?
— Вы кидайте шали алы,
Стирайте с лица красоту,
Надевайте черный травур,
Я всю правду вам скажу:
Александр император
В Таганроге кончил жизнь.
Что двенадцать генералов
На главах его несли,
Что четыре гранадера
30 Ворона коня вели.

№ 17

Как на рубеже государевом,
Что стоит-растет сыр матéрой дуб,
На дубу сидит млад ясен сокол,
Под дубом стоит сивый добрый конь.
Он и спор держит с ясным соколом,
Не об ста рублях, не об тысячи,
Об своих буйных головушках.
Соколу летать по поднебесью,
А коню бежать по сырой земле
10 До того ль места до урочного,
До того ль ключа до гремучего,
До холодного, до студеного.
Как сокóл летит — колокол звенит,
А как конь бежит, лишь земля дрожит.
Прибегает конь прежде сокола
До того места до урочного,
До того ключа до гремучего,
До холодного, до студеного.
Шелковой травы наедается,
20 Ключевой воды напивается;
Он и час стоит, и другой стоит,

А на третий час и сокóл летит,
Как сокóл летит, колокол звенит.
Он упал коню во резвы ноги:
— Ты прости, прости, сивый добрый конь!
Я не сам, сокóл, позамешкался,
Залетел, сокóл, в тихи заводи,
Еще бил сокóл гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, серых уточек.

После стиха 27 иногда поются стихи:

Глазки завидливые, крылышки замашистые,

но это явно вставка из другой песни.

№ 18

Ты крапива ли моя, крапивушка,
Зелье лютое!
Одолела ты, крапивушка,
Поле чистое,
Что ни конному, ни пешему
Проходу нет.
Проходил тут, проезжал
Добрый молодец.
Загулял-то я, молодчик,
10 Во ину землю,
Во ину землю, чужую,
К королю в Литву.
Как король-то молодца
Любил-жаловал;
Короля дочь с молодцом
Во любви жила;
Уж я, молодец, пьян
Напиваться стал,
Небылыми словесами
20 Похваляться стал.
Уж как были на молодчика
Злы-лихи люди;
Доложили-доносили
Самому королю.
Как король-то на молодчика
Прогневался.
Приказал он палачам
Казнить-вешати.
Уж я сам палачам
30 По червонцу дал:
— Не ведите вы меня
Позади двора,
Поведите вы меня
Впереди дворца,
Запоемте, братцы, песню,
Песню новую:
Ах вы сени, мои сени,
Сени новые!
Уж как знать мне по вас, сени,
40 Не похаживать.

№ 19

Голос протяжный

Не черной ворон по горам летал —
Молодой турок по полям езжал.
Он смотрел-то глядел силушку российскую,
Он, высмотремши, стал насмехатися,
Над донскими казаками надругатися,
Еще называл силушку вороною:
— Ты, ворона-воронушка, силушка российская,
Нет в тебе, силушка, против меня спорщика,
Нету поединщика.
10 Выбирался один молодой казак,
Выходил казак на ясен крылец,
Закричал казак своим громким голосом:
— Вы подайте-ка, братцы, коня мне неезженного,
Оседлайте-ка седельчико неседланное,
Вы наденьте-ка уздечку ненадевану,
Вы дайте-ка в руку нехлыстану,
Дайте-ка саблю вострую и копье булатное.
Садился казак на доброго коня,
Он и кланялся на все четыре стороны:
20 — Прости, батюшка и матушка,
Да еще прости, мать сыра земля,
Прости меня, вольный свет,
Прости, донское войско!
Поехал казак во чистое поле,
Он съехался с турком, поздоровался,
Разъехались с турком, распростилися,
Они соскакались на тупых концах,
Он ударил турка во белую грудь,
Он вышиб турка с коня долой,
30 Отсек ему буйну голову.
Возвратился к своему отцу-матери в донское войско.

№ 20

В Студенце

Лишь солнце закатилось за темные леса,
Умолкли в саду пташки, неслышно голоса.
Под деревом ветвистым тут хижина была.
Вдруг топают в долине, и пыль в поле пылит,
Два храбрые героя с оружием бегут,
Один во младых летах, другой как белый лунь,
Вдруг к хижине подходят, вдову находят тут;
— Любезная хозяйка, пусти нас ночевать!
Хозяйка отвечала: — О бог меня храни!
10 Я сегодня перед богом всю правду вам скажу,
Я хату не топила и щи не варены.
— Любезная хозяйка, не думай ни о чем,
Мы завтра вместе с светом в поход скоро пойдем.
В хижину всходили и садились по местам,
А вдова встала у печки и плакать начала.
Один герой постарше младому говорит:
— Спроси, спроси, Ванюша, о чем она грустит

БАЛАЛАЕЧНИК

Рисунок неизвестного художника (карандаш), 1840-е годы

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

И горючи слезы льет.
Младый герой, вставши, к хозяйке подходил:
20 — Скажи ты нам, пожалуй, о чем ты так грустишь?
Хозяйка отвечала, залившися слезами:
— Любезные герои, всю правду вам скажу.
Как сделалась невзгода, открылася война,
Тут мужа я лишилась и сына своего.
Младый герой заплакал, хозяйке отвечал,
Сам правою рукою на старшего указал:
— Познай, познай, хозяйка, ты мужа своего.
Прижми к ретиву сердцу сына своего.

№ 21

Как во поле, чистом поле, в широком раздолье
Тут стояло чистое древо, березынька бела.
Как на той же на березе сидит птица пава,
Кричит пава: Запропала солдатская слава!
Господа вы солдатушки, что вы худы-бледны?
— Оттого мы худы-бледны, что завсегда в походе,
Что всегда во походе, в казенной работе;
Мы работушку работали, ружья заряжали,
Ружья заряжали, во Францию стреляли,
10 Силу истеряли, службу проклинали:
Что проклятая такая служба царская;
Кто в службе не бывает, тот горя не знает,
А мы в службе побывали, все горя спознали.
— Господа вы служивы, где ваши домы?
— Наши дома — круты горы, широкие раздолья,

Что широкие раздольи — наши подворья.
— Господа служивы, а где ваши жены?
— Наши жены — пушки заряжены.
— Господа вы служивы, а где ваши сестры?
20 — Наши сестры — сабли востры.
— Господа служивы, где ваши матушки родимы?
— Наши матушки родимы — штыки припасены.

Из 229 записей народных песен, сохранившихся в архиве Ознобишина, выборочно публикуется 50 текстов *. Значительная часть их (38) взята из сборника «Русские песни» (см. о нем стр. 518 настоящ. тома), остальные — из разрозненных черновых записей, не обработанных собирателем (см. о них стр. 516 настоящ. тома).

Первый раздел публикации составляют исторические песни. В собрании Ознобишина их сохранилось более 30. 9 песен собиратель включил в свой сборник, однако, руководствуясь при его составлении географическим принципом расположения материала, он не выделил их в особый раздел, а ограничился краткой пометой «истор⟨ическая⟩» в соответствующих местах оглавления. Большая же часть их не вошла в состав «Русских песен» и осталась в числе необработанных черновых записей. Мы публикуем не только те исторические песни, которые Ознобишин включил в свой сборник, но также и наиболее интересные черновые тексты его собрания. Всего в раздел «Исторические песни» входит 21 запись — 9 взято из сборника «Русские песни» (№ 1, 6, 7, 12—15, 17, 18), в том числе 6 из числа записанных в Ардатовском и Курмышском уездах, 2 — в Самарском у. и 1 олонецкая песня. Остальные 12 записей содержатся в черновой части собрания (ед. хр. 21, 22, 26, 28, 40). Песни располагаются в порядке хронологии событий, о которых в них поется, независимо от их места в собрании.

Второй раздел публикации — «Русские песни» — содержит 29 текстов и состоит целиком из песен, включенных Ознобишиным в его сборник. Это записи, сделанные Н. Т. Аксаковым в Оренбургской губ. (публикуются три песни из шести — № 1—3), и песни, собранные самим Ознобишиным в Ардатовском и Курмышском уездах Симбирской губ. (26 песен из 32 — № 4—29; остальные 6 вошли в первый раздел публикации). «Олонецкие песни» и «Песни Самарского уезда Симбирской губернии», составляющие остальное содержание сборника (50 песен), не публикуются (за исключением трех песен, вошедших в первый раздел). В публикации сохраняются все комментарии Ознобишина и наиболее интересные варианты, включенные им в сборник «Русские песни». Варианты, сохранившиеся в черновых записях и не использованные при составлении сборника, приводятся только в отдельных случаях (см. № 2, 7, 12, 26).

№ 1. Записано в Самарском у. Симбирской губ. Отрывок песни о татарском полоне. Вар.: *СС*, в. 7; Соб., т. VI, № 372, 375. Анализ сюжета, вар. и комментарии к ним см.: Исторические песни XIII — XVI вв., стр. 628—631.

№ 2. Записано в Ставропольском у. Симбирской губ. Песня разбойничьего цикла, в некоторых вар. связана с именем Ермака («Исторические песни на Тереке». Подготовка текстов, статья и прим. Б. Н. Путилова. Грозный, 1948, стр. 371—376; Исторические песни XIII — XVI вв., стр. 523, № 358), Разина (*СС*, в. 7, стр. 33, 148; Миллер. Исторические песни, стр. 325, 326), Пугачева (Народные исторические песни, стр. 266—267).

Вор Гаврюшка — Гаврила Лаврентьевич (Б. Н. Путилов. Указ. изд., стр. 372), Гаврюшка, сын Лаврентьевич (Миллер. Исторические песни, стр. 166), чаще Асташка, сын Лаврентьевич (см. указ. вар.), есаул Ермака, принимал участие во взятии Казани. Другие объяснения см.: Народные исторические песни, стр. 374.

№ 3. Записано 16 апреля 1846 г. в с. Березовый Гай Самарского у. Вар.: *СС*, в. 9, стр. 2—5; «Сборник донских народных песен». Составил А. Савельев. СПб., 1866, стр. 149; Народные исторические песни, стр. 235. Относительно данного текста допустима гипотеза, что традиционная по запеву и образам песня была приурочена к пугачевскому времени: майорская дочь просит за родителей донского казака, сковавшего их «по указу государева» ⟨Петра III? — *З. В.*⟩. Дворец государя находится в «Новом селе», дорога к нему украшена пучками смородины. В пугачевском песенном цикле вар. этой песни нет. В толковании других ее вар. исследователи затрудняются. Б. Н. Путилов, например, пишет, что «вопрос о реальной основе песни остается открытым» (Народные исторические песни, стр. 364).

№ 4. Песня петровского времени. По-видимому, связана с битвой при Нарве (1700 г.), где дивизия А. М. Головина обратилась в бегство, а сам он был взят в плен. В публикациях вар. данного текста не найдено.

---

* Комментарии к историческим песням написаны З. И. Власовой при участии М. Е. Роговской; к «Русским песням» — С. И. Минц.

№ 5. Записано в Ставропольском у. Симбирской губ. Песня относится к петровским временам, к периоду шведской войны. Об участии в ней гр. Бориса Петровича Шереметева в русском фольклоре существует целый цикл песен: *СС*, в. 8, стр. 125—136, 169—173; *НС* № 1774; «Былины и песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева». Новосибирск, 1939, № 16; Народные исторические песни, стр. 223—227. Исследование сюжета и вар. — там же, стр. 360—361. Близких вар. данного текста в публикациях не найдено. «*Прутский*» («Прутцкий») король, очевидно, появился в песне позднее, заменив шведского короля. *Ладанское озеро* — по-видимому, искаженное название Ладожского озера. *Кодинский монастырь* — возможно, имеется в виду Троицко-Кодинский или Кодинский (неправильно — Колоцкий) мужской монастырь Березовского у. Тобольской губ. Расположен при с. Кодинском, в 215 верстах от г. Березова, места ссылки А. Д. Меншикова.

№ 6. Публикуются три вар. песни: 1) без указания места; 2) записанный в Самарском у. Симбирской губ.; 3) записанный в д. Липовке Ардатовского у. той же губ. Старинная солдатская песня, относимая иногда к рекрутским. Возникла в петровское время в связи с введением рекрутской повинности и 25-летним сроком службы в армии. Известна во множестве вар. с XVIII в. В некоторых (Иваницкий, № 580) приурочена к походу на Полтаву. В XIX в. к имени Петра нередко прибавляется в песне имя Николая I (см. 3-й вар.). Вар.: *СС*, в. 9, прилож., стр. XXVI — XXXI; *НС* № 1274, 1917; Соб., т. VI, № 181 — 184; записывается нередко и в наши дни, см., например, Песни Печоры, № 335.

Невага, вероятно, искаженное название рек Невы или Ваги. Однако в «Толковом словаре» В. И. Даля оно объяснено как слово, в тверском говоре означающее: несчастье, невзгоду, безвременье (т. II, стр. 1090). Вторая часть ст. обычно поется иначе, чем понято собирателем: «за другой рекой Перебрагою» (см. указ. вар.). Возможно, что и «*Перебрага*» — забытое имя существительное, однокоренное с глаголом «перебраживать» — бродить, шататься, кочевать («Толковый словарь живого великорусского языка», т. III, стр. 28). К содержанию данной рекрутской песни Прага не имеет отношения.

№ 7. Записано в Симбирской губ. Очень распространенная в XIX в. и известная во многих вар. песня петровского времени. Нередко относится к историческим в связи с упоминанием «гусар» Петра I и его имени. В ряде вар. вм. «генерал» — «полковник». В близких, более поздних текстах упоминаются Суворов и Рыжков. Вар.: *СС*, в. 8, стр. 147—152, 222—223; Листопадов, № 130; Иваницкий, № 584; *СС*, в. 9, прилож., стр. XIV—XXI; *НС* № 2095.

№ 8. Историческая песня о казни одного из четырех Долгоруких в Новгороде в 1739 г. по обвинению в заговоре против имп. Анны Иоанновны. В публикациях XIX в. довольно редко встречается, в наше время забыта. Иногда в вар. объясняется смысл подарка палачу — «чтобы придал скорую смерть» (казнь была жестокой, и по древнему обычаю дарили палача, чтобы он ускорил смерть). Вар.: *СС*, в. 9, стр. 8; коммент. к данному сюжету — см.: Народные исторические песни, стр. 364.

№ 9. Один из вар. обширного цикла песен с запевом «Пишет, пишет король...» Возможно, что впервые песня появляется во время шведской семилетней войны, в царствование Елизаветы Петровны (1756—1763). Б. Н. Путилов считает, что события, излагаемые в песне, «относятся скорее всего к 1780 г. Шведский король предъявил правительству Екатерины II требование — уступить часть территорий, приобретенных Россией по Ништадтскому и Абосскому мирным договорам, а также разоружить флот» (Народные исторические песни, стр. 372). Данный вар. относится несомненно ко временам Екатерины II. В песню нередко вводятся другие исторические лица: вм. шведского — прусский король, султан турецкий, король французский, а также имена Краснощекова, Суворова, Румянцева, Екатерины II, Потемкина, Кутузова, в зависимости от тех исторических событий, к которым приурочивалась песня. Вар.: *СС*, в. 9, стр. 80; в. 10, стр. 459—462; *НС* № 1782; Народные исторические песни, стр. 262—264; Листопадов, № 168.

№ 10. Уникальная солдатская песня, записанная в Ставропольском у. Симбирской губ. В 1833 г. Пушкин записал отрывок этой песни (см. настоящ. том, № 5). В данном вар. изображены подлинные исторические факты (борьба за крепость Верхне-Озерную). Упоминаются города Оренбург, Бердо, Троицк; фамилии офицеров правительственных войск, боровшихся с Пугачевым, — Демарин, Шкобский. Вар.: *СС*, в. 9, стр. 245 (запись Языкова); близкий текст: Народные исторические песни, стр. 372 (запись И. И. Железнова). См. также запись Даля — настоящ. том, № 1.

№ 11. Очень популярная до наших дней историческая песня с распространенным зачином «Поле чистое, турецкое». Возможно, входила в песенный репертуар солдат в XVIII в., глубоко патриотична по содержанию и относится к событиям периода турецкой войны (взятие Очакова 6 декабря 1788 г. при участии Суворова). Вар.: *СС*, в. 9, стр. 255; Иваницкий, № 583; Песни Печоры, № 136; там же ссылки на другие вар. песни, опубликованные в советское время.

№ 12. Записано в Симбирской губ. Плач по Екатерине II — традиционная форма причитания, используемая как плач войска по государю, «равно относимая устным народным творчеством к Иоанну IV, Петру I, Петру II, Петру III, Екатерине (вероятно, II),

к Павлу I и Александру I. Эпические формы остаются те же, но прилагаются к разным лицам» («Русские песни, собранные П. Якушкиным». — «Отечественные записки», 1860, № 4-5, стр. 13). Вар.: Шейн — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1859, № 3, стр. 14—15; Соб., т. VI, № 255; *СС*, в. 8, стр. 276, 287—288 (плач по Петре I, текстуально совпадающий с публикуемым, записанный Киреевским в Московской губ.); *НС* № 1279.

№ 13. Записано в Симбирской губ. Приводится один из двух вар., имеющихся в собрании Ознобишина. Популярная в XIX в. песня о нашествии Наполеона на Москву. Песня проникнута глубоким патриотическим чувством и была широко распространена. Вар.: *СС*, в. 10, стр. 7—12; В. Шишонко. Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Пермь, 1882, стр. 223; Магнитский, стр. 85; В. Н. Гартевельд. Песни каторги. СПб., 1908, № 4: Чернышев, № 149; В. И. Чичеров — в кн. Исторические песни (Б-ка поэта. Малая серия). Л., 1956, стр. 277. Упоминание Симбирска в публикуемом вар. очевидно принадлежит местной традиции.

№ 14. Записано в Самарском у. Симбирской губ. В песне отразилось пребывание Наполеона и французской армии в Москве, как и в некоторых других вар. песни. В публикуемом тексте дается картина взрыва древней кремлевской стены, произведенного французами 21 октября 1812 г. В данный вар. внесены черты бытовой рекрутской песни, что нередко и в др. вар.: *СС*, в. 10, стр. 6; С. И. Гуляев. Былины и исторические песни из Южной Сибири. Новосибирск, 1939, № 8; Листопадов, № 203; В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953, стр. 14; В. И. Чичеров. Указ. изд., стр. 279; И. Г. Парилов. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948, стр. 166 и др. В прим. к песне Ознобишин приводит разночтения из других вар. (без указания источников).

№ 15. Записано в Симбирской губ. Песня представляет собою один из вар. плача войска по Александру I, распространенного в XIX в. Она близка по форме традиционным плачам о кончине императора или военачальника, отсутствует лишь запев «Уж ты, батюшка, светел месяц». Вар.: *СС*, в. 10, стр. 200—204; Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 158, 401.

№ 16. Записано в Ставропольском у. Симбирской губ. Наиболее популярная и до нашего времени дошедшая в устном бытовании песня, вызванная известием о внезапной смерти Александра I в Таганроге. Похоронная процессия двигалась через Харьков, Тулу, Москву, порождая в народе толки, еще более усилившиеся в связи с восстанием декабристов, отказом от престола Константина и коронацией Николая I. Вар.: *СС*, в. 10, стр. 197; Шейн — «Чтения...», 1859, № 3, стр. 147—148; Иваницкий, № 587; Васнецов, стр. 26—27; Якушкин. Народные русские песни. СПб., 1865, стр. 545; Лаговский, № 167; Мякутин, стр. 107—109 и др.

№ 17. Записано в Самарском у. Симбирской губ. Песня о коне и соколе известна также в записях, сделанных в Уральской, Терской, Донской обл. и Уфимской губ. (Соб., т. I, № 492—495). В более поздних записях не встречается. В настоящем вар. точно указано место действия — «на рубеже государевом», т. е. на границе страны. Возможно, что публикуемая песня — первая часть эпической песни об охране границ, построенной на психологическом параллелизме и утерявшей вторую часть параллели (ср.: сокол, встретивший гусей-лебедей; Сухман, встретивший врагов-татар, и т. д.). Не потому ли и отнес Ознобишин эту песню к историческим?

Собиратель ошибается, считая строки, иногда поющиеся после 27 ст., чужеродными, — в одном из вар. сокол, оправдываясь, говорит:

Соколиные мои крылушки залетные,
Глазушки у меня, сокола, завидущие... (Соб., т. I, № 494).

№ 18. Записано в Олонецкой губ. Текст восходит к балладе «Молодец у короля на службе» (Соб., т. I, № 1—24). Вар., близкие публикуемому: *НС* № 1999, 2183. В данном тексте концовкой является цитата из песни «Ах вы, сени, мои сени». В др. вар. в конце: «песню новую, хорошую», «... умильную» (Соб., т. I, № 8—9).

№ 19. Песня о поединке донского казака с турком несомненно примыкает к циклу исторических и отражает одно из нередких в XVI — XVII вв. столкновений донского казачества с турками или крымскими татарами. Существует цикл народных исторических песен о борьбе казаков с турками, в них нередко упоминается и Ермак (см. Исторические песни XIII — XVI вв., стр. 687). Вар.: *СС*, в. 1, стр. 18, 91. Вар., близких данному, в др. публикациях не найдено.

№ 20. Записано в д. Студенце Сызранского у. Симбирской губ. Текст взят из тетради, озаглавленной: «Песни простонародные, какие поются в с. Елани, Студенце, д. Липовке и Судьбищах», и представляет собой литературную переделку широко распространенной солдатской и бытовой лирической песни, дошедшей в устном бытовании до наших дней (Песни Печоры, № 4). Вар.: Соб., т. I, № 339—340; *НС* № 1258, 1338, 1339, 1991, 2688, 2828, 2907, 2937, 2974.

№ 21. Старинная, очень популярная солдатская песня, известная в конце XIX в. с запевом «Солдатушки, бравы ребятушки». Художественно полноценный и сравнительно ранний ее вар. записан Киреевским (*НС* № 2910). Данный текст интересен для исследователя упоминанием войны с французами.

ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ПЕСНИ»

№ 1

— Молодец, побывай ты у меня!
Сердца радость, повидаемся со мной!
— Время будет, побываю у тебя,
Время было б, посидел бы я с тобой,
Насмотрелся б, нагляделся б на тебя,
На твое ли на прекрасное лицо.
Ты прекрасная красавица моя,
Красавица, красная девица душа!
Красота твоя с ума меня свела,
А походочка из мыслей вон нейдёт.
Вижу, матушка, сердита на меня,
Что не пишешь, моя радость, никогда,
О здоровьи не приказываешь ни с кем?

№ 2

Ай молодость, молодость,
Да чем тебя вспо̀мянуть? *2*
Ай мой люли, ай люли,
Да чем тебя вспомянуть?
Вспо̀мяну я молодость
Тоскою-кручиною, *2*
Ай мой люли, ай люли —
и проч.
Тоскою-кручиною,
Великой печалию. *2*
Ай мой люли — *и проч.*
Пойду млада по воду,
Скачу ведра под гору, *2*
Ай мой люли — *и проч.*
Скачу ведра под гору,
Сама взойду на гору,
Ай мой люли — *и проч.*
Сама взойду на гору,
Раскинуся яблонью,
Ай мой люли — *и проч.*
Раскинуся яблонью,
Яблонью кудрявою.
Ай мой люли — *и проч.*
Тут ехали бо́яре
С семидесять городов.
Ай мой люли — *и проч*
Колют в доски тонкия
Делать гусли звонкия,
Ай мой люли — *и проч.*
Кому в гусли по́играть?
Кому под них по́плясать?
Ай мой люли, ай люли!
Кому под них поплясать?

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Картина неизвестного художника (масло), первая половина XVIII в.

Третьяковская галерея, Москва

Варианты

По всем признакам песнь эта дошла до нас в испорченном виде, что показывает странная перемена ударений в иных словах: *вспдмянуть* вместо *вспомянуть*; *бояри* вместо *бояре*; *с семидесять городов* вместо *с семидесяти городов*; *пдиграть* вместо *поиграть*; *пдплясать* вместо *поплясать*.

Все эти неправильности весьма легко устранить, но тогда потеряется грациозная простота этой песни.

Помещаю только одни варианты: в 4-м двустишии

Пойду млада по воду,
Покачу ведра под гору.

В 9-м двустишии:

Кололи доски тонкия, Колют доски тонкия,
Делали гусли звонкия Ладют гусли звонкия

В 10-м двустишии:

Кому в гусли поиграть,
Кому по них поплясать.

Эта перемена ударений в словах вышеприведенных мною, вероятно, была незаметна при искусном пении, обыкновенно сопровождаемым или игрой на инструментах, или каким-либо выразительным телодвижением, как мы это видим и ныне в песнях у цыган, или наконец пляскою кого-либо из лиц, участвующих в хоре.

№ 3

Ах как нониче для молодца беспокойны ночи!
Ах, не вы ли заразили, приятныя очи!
Где хожу, где ни гуляю, тебя вспоминаю,

Повсечасно, дорогой, твой вид воображаю.
Сделай, милая, глазами вид, что меня любишь,
Ты скажи, хотя притворно, что ты по мне тужишь.
— Не умею, мой батюшка, в любви лицемерить,
Всем, милой, тебе божуся, чему можешь верить.
— Ах, ты вольность, моя вольность, вольность дорогая!
10 Ты к чему меня приводишь? — К вечному мученью.
В первый раз тебя увидел, вольности лишился,
Ах, я вольности лишился, покою не знаю!

№ 4

Отлетает мой соколик из моих ясных очей,
Отлетает мой любезный в отдаленны города,
В отдаленный, в незнакомый, в славный город Петербург.
Я не мало слез роняла об тебе, любезный мой,
Во слезах дружка просила: — Хоть немножко поживем!
— Мне нельзя-нельзя немножко с тобой, лапушка, пожить,
Нас с тобою разлучают, велят бросить-позабыть.
Я тогда тебя забуду, когда скроются глаза,
Принакроют тело бело белым тонким полотном,
10 И засыплют ясны очи желтым, мелким с гор песком.
— Я на камушке срисую, на картинке напишу;
Написавши на картинке, всем подружкам расскажу:
«Ах вы, девушки-подружки, не любите так, как я!
Как от этой от любви приключается беда:
Я от этой от любови во постелюшку слегла».

№ 5

Беседушка шла,
Сударка была,
Рядом сидела,
Чай с водкой пила.
Сделалась пьяна,
Пару слов дала:
— Я буду твоя
Неразлучная,
Ввечеру позднешенько
10 Сговоренная,
Поутру ранешенько
Увезенная.
Жалко мне, сударушка,
Что замуж идет,
Большая досадушка:
Товарищ берет.
Товарищ берет,
Сам рядом живет:
Чрез один забор
20 Окошком на двор,
Окошком на двор,
Под одно крыльцо.
Погляжу в окно —
Сударка пройдет,
Сударка пройдет,
Сердечко замрет.

№ 6

Ах, ты, Дунюшка-Авдотьюшка душа!
В кого, Дуня, уродилась хороша?
Или Дуня в удалого молодца?
Куда с Дунюшки девалась красота?
С твоего, Дуня, со белого лица
Распропала вся девичья красота!
Брови черныя теперь уж не в холе.
Я из горенки во горенку хожу,
По-манехоньку на вольный свет гляжу.
10 Уж я выйду ли за новы ворота,
Стану, Дуня, у притворного столба,
Погляжу я на четыре стороны,
Где бы, где бы мне милого увидать,
Во глаза его разбестией назвать.
Ты разбестия, каналья, дружок мой!
От какой ты от красавицы отстал,
Ты какую негодяйку любить стал,
От мерзавки чужу сторону спознал.
Ты злодей-злодей чужая сторона!
20 Разлучила с отцом с матерью меня:
Разлучила с молодой верной женой.
А грустней того со девицей душой.
Я пойду с горя во зелен сад гулять,
Я нарву в саду любимыих цветков,
Совью милому прелестнейший венок;
Я пойду ли во высок новый терём,
Там я сяду на тесовую кровать,
Стану плакать я, об милом тосковать.
Не придет ли ко мне миленькой в ночи,
30 Не пришлет ли мне он ласковы слова,
Помирилась бы я с милым навсегда.

№ 7

Мил по улице гуляет, на окошечко не взглянет,
Друг иную возлюбляет, меня покидает.
Покидает-оставляет, как голубь голубку,
Оставляет на чужой ли на дальней сторонке.
. . . . . .
Мне сказали, что в Казани очень дорог перевоз,
Я свою-то сударушку на рученьках перенес.
Ничего не измочил, лишь башмак с ноги сронил,
Заплакала-залилась: очень жалко башмачка.
— Ты не плачь, моя милая, не плачь, дорогая!
10 Башмачки куплю другия, верхи голубыя,
Верхи голубыя с лентами, с цветами,
С лентами, с цветами и из лент пучками,
Чулки со стрелами, фартук со орлами,
Платок со кошмами, перстень со словами.
Носи, Саша милая, а мной не хвалися,
Если будешь похваляться, я не буду с тобой знаться;
Пристыжу тогда тебя при всем при народе,
Когда девки все сойдутся в большом хороводе.

Эта песня поется во многих деревнях Симбирской губернии и поется с изменениями; приведу главнейшие.

ст. 2. На окошечко не взглянет, он иную возлюбляет,
Он иную-та милую, меня покидает,
Покидает-оставляет, как голубь голубку,
Покидает-оставляет молодец девчонку.
Оставляет на чужой ли на дальней сторонке.
. . . . . .
Как во городе Казани очень дорог перевоз,
Я свою-та Сашеньку на ручушках перенес.
Перенесть-то перенес, я ничего не обмочил,
Обмочить не обмочил я, башмачок с ножки сронил.
Тужит-плачит красна девка: очень жалко башмачка.
— Ты не плачь, Саша милая, не плачь, дорогая!
Я куплю тебе иныя, верхи голубыя,
Вершечики голубыя с лентами, с пучками,
Что со лентами, с пучками, чулки со стрелами.
Ты носи, моя милая, носи не хвалися,
Если будешь восхваляться, я с тобой не буду знаться,
А не будешь восхваляться, не могу с тобой расстаться,
ст. 13. Чулки со узорами, запон с кружевами,
Платок со цветами, серги со звездами, кольцо со словами.

№ 8

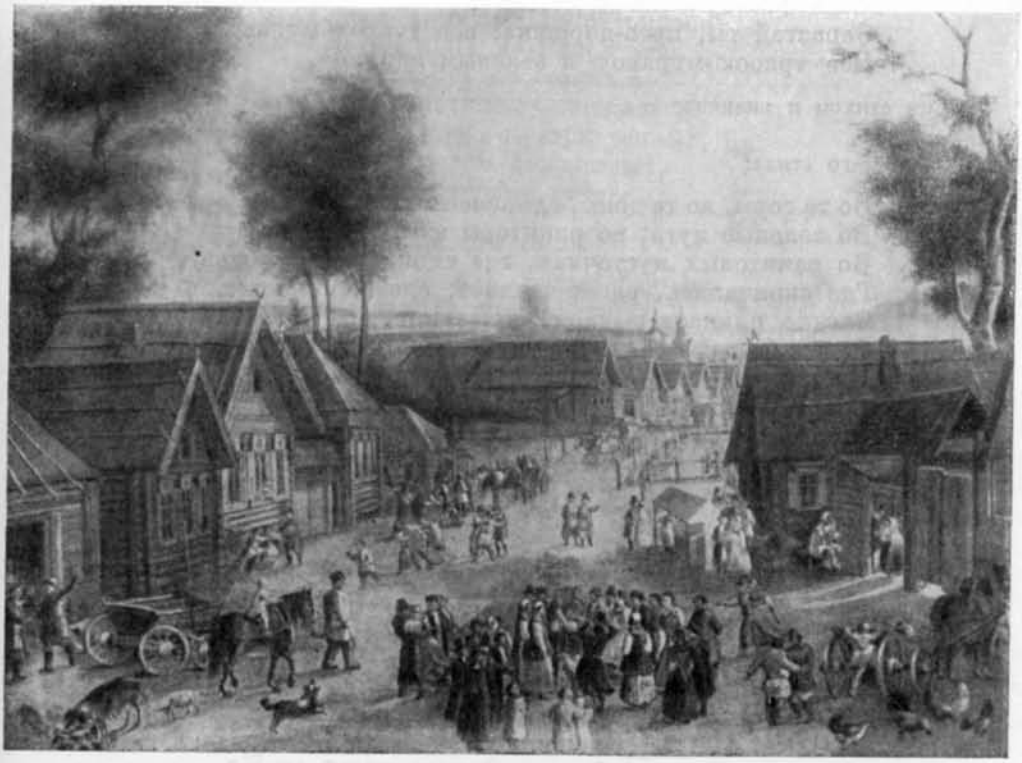
Не повадно наше времечко, жарок сенокос;
Не пущают меня, молодца, во всю ночь гулять.
Хоть и пустют разудалого, я сушусь-крушусь,
Сушусь-крушусь, добрый молодец, слезами зальюсь.
Зальюсь-зальюсь разгорючми, сам знаю по ком;
Знаю-знаю, вспоминаю, кого я люблю;
Люблю-люблю свою любушку, ее при мне нет,
Она ж, моя любушка, далеко живет,
На той, на той на сторонушке, меж гор высоко.
10 Между гор ли, гор высокиих выстроен терём,
Как во этом новом тереме любушка живет,
Она часто, моя любушка, песенки поет,
Поет песни она грустные, голос подает.

Варианты

ст. 4. Сушусь-крушусь, разгорююся, слезами зальюсь.
⟨ст.⟩ 8. Она за морем далечинько на той стороне.
На той дальней на сторонушке волости стоят,
Как во этих новых волостях выстроен терем,
Как во этом новом тереме девушки сидят,
Под открытым под окошечком рубашечки шьют,
Коленкоровы рубашечки, песенки поют.
А мне добру молодцу голос подают.

№ 9

Выходила девчоночка за новые ворота,
Становилась красавица у притворного столба,
Опущала красавица белы руки во карман,
Из кармашка вынимала белый шелковый платок,
Платком слезы утирала любезному своему,
Как утерши горьки слезы, на горы́ гулять пошли,
На те горы, на те долы, где скончалася любовь,
Где скончалась, распрощалась; жизнь в разлуке тяжела.
Зарастут пути-дорожки все травою-муравой,



ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ

Картина неизвестного художника (масло), первая половина XIX в. Исторический музей, Москва

10 Частым, мелким ковылом, всё широким лапушком.
Как из этих лапушков постелюшку постелю,
А пос⟨т⟩лавши постелюшку, подушечку положу;
Сама лягу полежу, друга милого пожду.

Прим. В некоторых селах поется после первого стиха:

За новыя кленовыя, за решетчатыя;

После 2-го стиха:

У притворного столбочка, у точеной вереи.

Вместо 7-го:

На те горы, на те долы, где разлука тяжела,
Разлучает нас неволя, чужа дальня сторона,
На чужой дальней сторонке девчоночка молода.
Взял девчонку за ручонку, сказал: — Лапушка, прощай!
Зарастут наши следочки все травою-муравой,
Все травою-муравою, большим свежим лапухом.
Я с тоски и со досады слезно плакала по нем,
Слезно плакала-рыдала, со слез речка протекла,
Течет речинька глубока, злой течет она струей.

Прим. В некоторых деревнях эта песнь поется иначе, после стиха 7-го:

Где скончалась, распрощалась. Жизнь в разлуке тяжела,
Растяжелая разлука чужа дальня сторона!

Зарастай ты, путь-дорожка, все травою-муравой,
Все травою-муравою и зеленым лапухом.

Сим стихом и оканчивается.

Варианты

После 6-го стиха:

Во те горы, во те долы, где зеленые луга,
Во зеленые луга, во ракитовы кусты.
Во ракитовых кусточках, где скончалася любовь;
Где скончалась, распрощалась, слезно плакала по нем,
Слезно плакала-рыдала, со слез речка протекла.
Речка быстрая Казанка побежала по лугам,
Не широка, не глубока, с берегами наравне.
Возле речки, возле мосту тут дорожка прилегла.
Как на это⟨й⟩ на дорожиньке разлука тяжела,
Зарастут пути *и проч.*

№ 10

Несчастная девушка с горя пошутила,
Молодого мальчика она полюбила;
Полюбивши, девушка заботу имела,
Имевши заботу, стала по нем сохнуть.
Долго сохла девушка по милом дружочке,
Любимым подруженькам она говорила:
— Скажите, подруженьки, что мне с милым делать?
Мне должно ль любить его или вовсе бросить?
Полюблю я, девушка, инова милова,
10 Я с этим со милым ли стану вечно жити,
А старому другу тем сделаю досаду.

№ 11

Что ты, Ванюшка, не весел,
Буйну голову повесил,
Черной шляпою накрылся,
Горючми слезми залился?
Провожал свою сударку
На чужу дальну сторонку
Не в согласную семейку,
Там никто ее не любит,
Ни свекор и ни свекровка,
10 Ни большой деверь, золовка.
. . . . . .
Уж вы, ночи мои, ночи,
Вы осенние, последни!
Ничего в ночах не слышно,
Ничего в темных не видно,
Только слышно, только видно —
Шел Иванушка горою,
Мимо садика тропою,
Пронес гусли под полою.
Сам во гуслицы играет,
20 Душу Дуню потешает:
— Ты не плачь, душа Дуняша,
Не рони слезы напрасно!

Слезы ронишь, лицо портишь,
Слезми моря не наполнишь,
Свово друга не воротишь.
Хоть воротишь,— ненадолго:
На три лета, на три теплых,
На три осени дождливых,
На три зимушки студеных.

№ 12

Ах, житье ли мое, житье бедное,
Одиночество ты проклятое!
Уж куда ты мне надокучило
Во младых летах горе мыкати!
Да к тому ж горько, все несчастие:
Оставлят меня душа девица.
Уж давно мне нет от ней весточки!
Прилетала ко мне ласточка,
Что со милой ли со сторонушки,
10 Приносила ко мне весточку,
Что тое ли всё невеселую:
Сговорили уж мою милую.
Как заныло вдруг тут сердечушко,
Охладела кровь в пламенной груди,
Перервался мой истомленный дух.
Во письме пишет красна девица:
— Не крушись по мне, ты душа моя!
Я по смерть мою буду вся твоя,
Во всю жизнь мою буду верною!
20 Ах, житье ль мое, житье бедное,
Одиночество ты проклятое!
Я изныла свой век не как человек,
В горе живучи, беды терпючи.
Люди все живут, как цветы цветут,
Голова ж моя вянет, как трава.
С кем ни посижу, вкруг себя свяжу;
Сложу ль с кем совет, — ни в чем толку нет,
Говорить лишь стал, — в дураки попал.
Ах, беда-скуде, места нет нигде!
30 Если б был богат, всяк бы был мне брат,
Всяк родня бы был, всяк бы чтил-любил;
А то чтут людей, ты ж стой у дверей,
Люди сидя пьют, меня в шею бьют.
. . . . . .
Ах, беда-скуде, места нет нигде!
Как корабль в море, так и я в горе:
Тот всегда в волнах, я всегда в слезах.
Иль глаза зажать да в леса бежать, —
Да и там найдут, за зверя убьют.
40 Иль оставить мир, идти в монастырь,—
Да и там скуда, не иметь труда.
Ах, беда-скуде, места нет в воде,
Вытащут оттоль, иссушат как моль,
Почнут потрошить, чтоб кости сушить,
Да тем чередом и в убогий дом.
. . . . . .

Вар.

ст. 34. Пошел, не теснись, а коль пьян,— проспись.
Ах, беда-скуда, нет ей и суда.
С ней и в суд пойдешь, правды не найдешь,
Хоть и прав, — винют, прибьют, прибранят:
— Черт тебя принес; врылся б ты в навоз;
Там бы ты сидел, мы б не знали дел.

ст. 46. Там ночь велика...

№ 13

Как шел Ваня из гостей
Со великих радостей.
Идет Ванюшка, спешит,
За ним девушка бежит,
Что бежит она, бежит,
Громким голосом кричит:
— Уж ты стой-постой, Ванюша,
Раскрасавчик, любчик мой!
Подивися надо мной,
10 Над моей русой косой!
Моя русая коса
До шелкова пояса,
До шелкова пояса,
Всему городу краса!

№ 14

Из-под славного под города, города Кубана,
Протекала быстра речушка, речка слезовая,
По речушке бегут струйки, струи кровавыя,
По струйкам шли некрутики, некруты младые.
Как с восточной со сторонки ветры подувают,
Прижимают нас, некрутиков, ко одной сторонке,
Ко одной нас сторонушке и то к островочку,
К желтому рассыпчатому мелкому песочку.
На песочке рассыпчатом рябинка стояла,
10 Всё разными цветочками она расцветала.
На рябинке кукушечка грустно куковала,
Жалобно кукушечка, слезно причитала:
— Видно к горю матушка меня породила,
Всё горькими участками меня наделила,
Дальной чуждой сторонушкой в путь благословила.
На чужой дальней сторонушке змея прошипела,
Не змея то прошипела — свинцовая пуля,
Пролетела в поле чистом, нигде не упала,
Ни на землю, ни на воду пуля не садилась,
20 Упала свинцовая пуля во заднюю роту;
Во задней во ротушке убила майора,
Отшибла майорику что правую руку,
Что правую ручиньку да левую ногу.
Заливался майорик наш горькими слезами:
— Дайте, братцы-товарищи, мне вы скорой смерти
Рвите с меня головушку по самые плечи.

№ 15

Подуй-подуй, погодушка, со восточной стороны,
Раздуй-раздуй, погодушка, калину в саду!
Калинушка с малинушкой лазоревый цвет!
Не вызревши калинушку, нельзя заломать,
Не выбравши красну девушку, нельзя замуж взять.
Уж я выберу, по выбору возьму за себя.
Несчастна та беседушка, где милого нет!
Веселая компаньица, где миленькой пьет.
Он пить не пьет, голубчик мой, за мной, младой, шлет.
10 А я, млада-младешенька, спесива была,
Спесивая-гордливая, замешкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольною за пташечкой за журынькою.
Журавлюшка по бережку похаживает,
Шелковую ковыль-травку пощипывает,
Холодною речной водой прихлебывает,
За речушку за быструю поглядывает.
За речкою за быстрою крутая гора,
На горочке на крутинькой слободка стоит,
20 Не малая слободушка, четыре двора;
Во каждом во дворике по кумушке есть.
Вы, кумушки-голубушки, подружки мои!

«БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРИ СГОВОРЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ СВАДЬБЫ»
Гравюра А. П. Екимова с рисунка И. А. Акимова, 1810-е годы
Исторический музей, Москва

Кумитеся-любитеся, любите меня;
Вы пойдете в зеленый сад, возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать, нарвите и мне;
Вы станете венки плести, сплетите и мне;
Вы станете в реку бросать, забросьте и мой.
Чужи венки все сверьх воды, а мой потонул.
Чужи мужья все из Москвы, а мой не бывал.

№ 16

Ох ты, Дунюшка, прежня любушка!
Не сиди, Дуня, ты поздно́ одна,
Не свети огня до белого дня,
Что до красного светла солнышка.
Взойдет солнышко, роса высохнет.
На белой заре легла Дунюшка,
Спать ложилася и забылася,
Нехорош то ей сон привиделся:
Что с своим дружком во дали живет,
В славном Питере дружок дом кладет,
Разным камнем дом он выкладыват,
Не шлет милинькой, не шлет весточки.
Прислал милинькой к ней посылочку,
Прислал шалеву ей косыночку,
Прислал милинькой к ней рубашечку,
Заношеную, припотливую:
Мой рубашечку в ключевой воде,
Высушай на красном солнышке.
Слезми горькими ее вымою,
На белой груди ее высушу.

№ 17

Ничего в саду не видно, никого там не слыхать,—
Только видно, только слышно, ходит стая лебедей.
Все лебедушки попарно, а я, бедная, одна,
Ужь я, бедная бедняжка, сокрушаюсь без дружка.
Было время таковое, когда мил меня ласкал.
А теперь переменился, он любить иную стал,
Меня, бедную-несчастну, он покинул-позабыл.

№ 18

По неволюшке женил сынка батюшка,
Присоветывала сударыня матушка,
Разговаривала его любушка-сударушка:
— Не женись-ка ты, дружочик, друг мой миленькой!
Если женишься, дружок, ты воспокаешься!
Что со мною, красной девушкой, расстанешься;
Ты возьмешь себе женушку угрюмую,
Ты возьмешь себе угрюмую, небасливую.
Она день тебя бранит, ночь уснуть не даст,
На руке твоей лежит, целовать тебе велит.
— Целовать-то ее мне не хочется,
Ретивое мое сердце не воротится,
Поворотится, — всё кровию обольется.

№ 19

Приустали мои ножиньки со дороженьки,
Приустали белы ручушки со работушки,
Болит мое сердечушко со заботушки.
Вечер-то я, молодец, у девушки был,
Сказала мне любушка весть нерадостную,
Нерадостную вестыньку, весть печальную:
—'Когда ты, мой миленькой, такой друг бывал?
А нонче жениться ты, знать, думать уж стал.
Женись-женись, мой миленькой, женись, вольный свет!
10 Возьми-возьми, мой миленькой, кого я велю:
Велю я взять, миленькой, подружку мою;
Моя-то подружинька не хуже меня,
Лицо у нее белое, щечки алыя,
Глаза у ней черныя, развеселыя.
У моего милого кудри русыя,
Русы его кудерушки по плечам лежат,
По плечам кудерушки ровно жар горят.

№ 20

Я вечер ли, молодец, позднехонько загулялся,
У чужих ворот я, молодец, застоялся,
У чужих ворот, воротичек у вдовиных,
У вдовиных ли воротичек, сиротиных.
Я не так стоял, словечушка дожидался,
Вот не выйдет ли любушка на красное крылечко,
Не промолвит ли со мной любушка ласкова словечка.
Без привету ко мне любушка на шею бросалась,
Горючми слезми, сударушка, она заливалась.
10 — Не ходи ты, миленькой, вдоль по улице, не славься,
Из подарычков, дружочик мой, ты не траться.

№ 21

Вор мальчишка молодой,
Что смеешься надо мной,
Над девчонкою простой?
Злодогадлива была:
Без морозу без крутова
Сердце вызнобила.
Я со этой со тоски
Расчешу кудри-виски,
Во дремучий лес пойду,
10 Разгуляю грусть-тоску.
Кой день с другом пробыла,
Весь денек я весела;
В кой денек не угляжу,
На постеле пролежу.
По улице по новой
Офицер шел молодой,
Сам он шпорами стучит,
На высок терем глядит,
С девкой речи говорит:
20 — Здраствуй, лапушка моя!

В доме ль матушка твоя?
— В доме нету никого,
Полезай скорей в окно.
Он лишь ручку протянул,
Коза́к плетию стегнул:
— Офицерска ль, сударь, честь
По ночам в окошко лезть.
Прикалиток на то есть.

№ 22

Цвели в саду два цветочка,
Цвели да опали;
Любил меня друг мой милый,
Любил да покинул;
За что, про что меня, милый,
За что покидаешь?
Иль чего за мной, друг милый,
Ты худое знаешь?
Счастливая путь-дорожка,
10 Куда милый вздумал!
— Я задумал, моя радость,
Во чистое поле.
В чистом поле при долине
Растет куст калины,
Я сломаю ту калину
К батюшке в домочик,
Посажу я ту калину
В саду, пред окошком.
Посадивши калинушку,
20 Вставать буду раньше,
Вставать буду раньше,
Поливать почаще.
Ты расти, моя калина,
Расти, расстилайся,
Живи в доме, любезная,
Живи не печалься,
Белись да румянься!

Прим. Эта песня поется в селе Карамзине Симбирской губернии.

№ 23

Стоит бурлак под горой,
Держит гусли под полой.
Разыграйтесь, гусли с мысли,
Распотешьте молодца,
Распотешьте молодца,
Что один сын у купца.
При долине во лужках
Стоят девки во кружках.
Две девушки танцевали,
10 Два молодца приезжали,
Приезжали для того —
Полюбить бы им кого.
Полюбил парень Анюту,

ИГРА В БАБКИ

Цветная гравюра К. Вагнера с рисунка Е. М. Карнеева

Из книги: «Les Peuples de la Russie ou description des moeurs et costumes des diverses nations de Russie...» Paris, 1812

Анютынька хороша,
В косе лента широка,
В косе лента широка,
Издалече везена,
Из города Питера,
Из царева кабака.
20 Во царевом кабаке
Зеленое вино пьем;
Не успели вина пить,
В барабаны стали бить,
Они били-выбивали,
Нас молодцев вызывали...

Эта песня в селе Карамзине после стиха 25 продолжается:

Вызывали для того,
Полюбить бы им кого.
Полюбил парень Анюту,
Анютынька хороша,
Анютынька хороша,
В косе лента широка,
Издалече везена.
Из того нас выбивали,
Девки шляпы надевали,

С генералами гуляли;
Генеральчик молодой
Дал подарчик дорогой.

№ 24

Шла Дуняша из лесочку, гнала стадо лебедей,
А навстречу шел Дуняше детинушка молодой.
Он в трактир зовет Дуняшу, чтобы с нею погулять:
— Ты пойдем, душа Дуняша, я там пивом угощу,
Пивом, медом напою, виноградом накормлю.
— Ты не льсти, милый, словами, не обманывай в глаза,
Ты почувствуй, друг любезный, за что я тебя люблю,
От тебя я, мой любезный, всё лишь горести терплю,
Всё я горести терпела, все досады пернесла,
10 Я с младых-то лет, девчоночка, при матери взросла,
Я от солнца и от ветра лицо бело сберегла;
А ты, варвар, так смеешься над девчонкой, надо мной,
И за что ты так тиранишь, невиновна я ни в чем;
Я жила с тобой полгода, а с батюшкой двадцать лет;
Не видала я мученья, как с тобою, милый мой!
Ты прости-прости, любезный, не увижусь я с тобой!

№ 25

Прошло лето, прошла осень, прошла красная весна,
Наступает злое время, зла холодная зима.
Все реченьки призастыли, ручеечки не текут,
В поле травушка посохла и цветочки не цветут,
В саду листики опали, вольны пташки не поют.
Жалко с милым мне расстаться, стану плакать и тужить:
— Ты клялся, варвар, божился, хотел вечно со мной жить,
А нониче, друг любезный, оставляешь ты меня,
Оставляешь-покидаешь на несчастной стороне,
0 На несчастной на сторонке жить тошнехонько одной,
Жить тошнешенько одной, без матушки без родной.

№ 26

По лужкам, лужкам зеленым,
По шелковой по траве
Тут гулял с седлом черкасским
Приобротанный конек.
На коня того садился
Удал добрый молодец,
Удал добрый молодец,
Офицерский сынок.
Он садился на коня,
10 Призадумывался,
Призадумывался,
Припечаливался,
Разгорючими слезами
Заливаючися:
— Вы отдайте, добры люди,
Поклон батюшке,
Вы отдайте-ка поклон мой

Моей матушке.
Вы скажите им: пропал я
20 Не от батюшки,
Не от батюшки пропал я,
Не от матушки.
Я пропал-таки пропал
От сударушки,
От сударушки пропал
Со кроватушки,
Со кроватушки пропал,
Со перинушки,
Со перинушки пропал
30 Со пуховыя,
Со подушечки пропал
Со парчевыя.

ст. 1. Песня эта имеет и другое начало:

Как во матушке было,
В каменной Москве,
На широкой ли
Конной площади;
Там стоял с утра
Иноходный конь,
Иноходный конь,
Крепко взнузданный.
Как садился там
На добра коня,
На добра коня
Офицерский сын;
Он садившися,
Слезми залился,
Парусным платком
Утирается,
Тот от слез платок
Разгорается.
ст. 15. Вы скажите-ка, скажите
Мому батюшке,
Мому батюшке поклон
Да моей матушке.
Не от батюшки пропал,
Не от матушки.

ст. 32. Окончание этой песни также поется иным образом; после стиха 32 *со парч выя* прибавляется:

Нам по утру, робятушки,
Рано вставать,
Уж как рано вставать,
И в ширингу вступать.

№ 27

Как в Москве было или в Питере,
Во проезжей в главной улице,
Жила Аннушка, душа лапушка.
Как повадилась Анюта во царев кабак ходить,
С дураками, с бурлаками сидя, в карты играть,
Козырями козырять, подкозыривать.

Как увидела ее матушка,
Как увидела ее свет родной:
— Полно, Аннушка, душа лапушка,
10 Во царев кабак ходить, зеленое вино пить,
С дураками, с бурлаками сидя, в карты играть.
— Полно, матушка, душа лапушка,
Еще конь-то вороной,
А бурлак мой молодой,
Как притопаю ногой
И прищелкаю рукой,
Пробежит, разбежится,
Мое сердце взвеселит,
Мое сердце взвеселит
20 И обрадует меня.

№ 28

Как под яблонькой
Под зеленою,
Под зеленою,
Под кудрявою,
Сидел молодец такой,
Неженатый-холостой,
Держит гусли под полой.
— Ах вы гусли, мои гусли,
Разыграйте вы мне мысли,
10 А я песенку спою
Про женитьбу про свою.
Как женила молодца
Чужа дальня сторона,
Макарьевска ярмарка.
Становились мы тогда
Близ гостиного двора.
Близ гостиного двора
Приключилася беда,
Пропадали у купца
20 Что не сто рублей,
Что не сто рублей
И не тысяча.
Пропадала у купца
Дочь любимая.
Отыскали ту пропажу
По большим лесам,
По большим лесам,
По калиновым кустам.

№ 29

Ах вы ночи, ночи темные,
Ночи темные осенние,
Вечера наши развеселые!
Я всю ночь не сплю, всё в ногах стою
Дружка милого у кроватушки,
У кроватушки у тесовыя,
Прошу милости друга милого:
— Умились ко мне, мой сердечный друг!

Ты пусти меня на кроватушку,
10 Положи, злодей, ты на ручушку,
Ты прижми меня ко сердечушку.
Как у милого сердце каменно,
Золотым замком сердце заперто,
Белы груди запечатаны,
От замка ключи порастеряны.
Потеряла те ключи ключница,
Супротивная мне разлучница.
Находила ключи девица,
Друга милого полюбовница.

Первые шесть песен, как пишет Ознобишин, доставлены ему «от Н. Т. Аксакова из Оренбургской губернии». Из этих шести песен публикуются первые три *, так как остальные совпадают с текстами сб. Чулкова (ч. II, № 126; ч. III, № 71, 200).

№ 1. Представляет контаминацию двух песен: плясовой «Куманек (молодец), побывай у меня» (первая публикация в «Отечественных записках», 1861, т. CXXXIX, стр. 477) и протяжной «Скучно, матушка, весною жить одной», особенно популярной во второй части — «Вдоль по улице метелица метет» (Соб., т. IV, № 279, 450—451).

№ 2. Песня о проходящей молодости; известны мужская и женская редакции: 1) о молодце и худой жене, о молодце на царской службе (*НС* № 2298, 2549; Соб., т. III, № 424—425; т. VII, № 12); 2) о девушке, превращающейся в яблоню. Вар. наиболее близкие к публикуемому — *НС* № 2750; Соб., т. II, № 164—166. В данном тексте пропущены строки о том, как срубили дерево, чтобы сделать гусли. Примечание Ознобишина к песне показывает, в каком направлении производилась им редакторская работа с текстами.

№ 3. Наиболее близкие вар.: *НС* № 1541, 2932.

Тексты из раздела, озаглавленного в сборнике Ознобишина «Песни Симбирской губернии». В конце последней песни собиратель сделал примечание: «Начиная от 7-й до 38-й песни ** включительно, все эти песни поются в Симбирской губернии, в Ардатовском и Курмышском уездах».

№ 4. Текст близок к списку XVIII в. (Соб., т. V, № 519); от позднейших вар. отличается полнотой: Соб., т. III, № 333; т. V, № 518—529; *НС* № 1307, 1717.

№ 5. Известна в публикациях XVIII в.: Прач, 1780, стр. 35. Наиболее близкий вар.: Соб., т. V, № 680—692. Наиболее близкий вар. из Симбирской губ. — *НС* № 2599; см. также № 1731, 1764, 2162, 2478.

№ 6. Ознобишин в своей рукописи исключил из текста песни, начиная с 14 ст., 9 ст. и заменил их многоточием, очевидно, его смутили бранные слова («разбестия», «каналья», «негодяйка», «мерзавка»), однако он целиком привел их в «варианте». Некоторые строки он исправил в отношении ритма, утяжеляя их произношение (*НС* № 2605).

№ 7. Песня слагается из двух различных песенных сюжетов. Вторая часть — перенос милой через реку встречается в других сочетаниях (Соб., т. I, № 163). С публикуемым совпадает почти совершенно текст, записанный в Поволжье: *НС* № 2619. В обоих текстах обращает на себя внимание описание женского, не крестьянского, костюма.

№ 8. По свидетельствам отдельных собирателей, — проголосная, протяжная песня, поющаяся «во время страды» (Соб., т. III, № 347). В собрании Ознобишина есть более полный текст, не вошедший в сборник. Близки к публикуемым вар., записанные в Вологодской губ. (Соб., т. III, № 343) и в Мензелинском у. Уфимской губ. Пальчиковым в 1880-х годах (Соб., т. III, № 344).

№ 9. Как показывают многочисленные вар., приводимые Ознобишиным в его примечаниях, песня была широко распространена в Симбирской губ. Об ее популярности свидетельствуют и вар. в Собрании Киреевского (*НС* № 1740, 1760, 2033, 2174, 2218, 2605). Последняя, записанная в Поволжских губ. Лахутиным, наиболее близка к публикуемым. В собрании Ознобишина — № 244 (33) и № 247, по-видимому, полученные собирателем позже и неиспользованные в его примечаниях (см., например, ст.: «Течет реченка *Фонтанка*,/Бежит она злой струей» в № 244.

№ 10. Соб., т. V, № 257—259 (наиболее полный вар. — № 258); *НС* № 1353, 2341, 2505. В коллекции Ознобишина есть еще один вар., не включенный им в сборник.

№ 11. В песне соединены два песенных сюжета. В Собрании Киреевского находится несколько песен такого типа, записанных в Поволжье. Вар. очень близкий к публикуемому — *НС* № 2598 (Поволжье от Лихутина); в Саратовской губ., совпадающий со второй частью песни, — *НС* № 2506; в Симбирской губ., два текста с тем же

* № *1—3* настоящей публикации.— *Ред.*
** № *4—29* настоящей публикации.— *Ред.*

зачином: *НС* № 2370 и 2380. Вторая часть песни встречается как самостоятельная: *НС* № 1295 или в других сочетаниях: № 1588; Соб., т. III № 87 и 566.

№ 12. Книжная песня, созданная, по-видимому, в городской среде в 1710—1720 гг. (см. А. В. Позднеева. Рукописные песенники XVII — XVIII вв. — Учен. зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та, т. I, 1958, стр. 90—91). Разговоры о том, что Елизавета Петровна пела ее перед 25 ноября 1741 г., стали предметом судебного дела. Дошло свыше сорока рукописных вар. песни в записях от 1730-х годов до конца XVIII в. Наиболее краткие — 16 ст., наиболее распространенная редакция — 42 ст. Настоящ. вар. — самый развернутый из всех известных. Песня о неудачной жизни контаминирована здесь с литературной песней XVIII в. о несчастной любви (Чулков, ч. II, № 183, а также Песенники 1780 и 1788 гг.). В песне дан образ маленького человека, подчеркнута безвыходность положения в обществе «скуды» — бедняка: без денег нет ни правосудия, ни места в монастыре; не легко даже утопиться. В песне встречаются пословицы о бедности. Характерно использование ст. о неудачной жизни в качестве зачина «тюремной» песни «Ты воспой, воспой, жавороночек» (Соб., т. VI, № 493). Песня о неудавшейся жизни пелась и от лица женщины (*НС* № 1684).

№ 13. Песня характеризуется собирателями как «вечериночная», «беседная», «проголосная» (*НС* № 1504, 2047, 2327, 2759, 2783, 2799; Соб., т. V, № 275—276, 414—415). Публикуемый текст не имеет развязки, характерной почти для всех опубликованных ее вар.: узнав, что девушка любит не одного его, молодец бьет ее по лицу.

№ 14. Соединение песенных сюжетов: о горькой судьбе рекрута и о смерти майора на чужой стороне. Первые (начиная со 2-го ст.) двенадцать ст. совпадают с текстом, записанным Пушкиным (см. настоящ. том, № 14). Описание полета пули и смерти офицера — общее место многих казачьих песен. См., например, первые 16 ст. песни, опубликованной А. О. Корниловичем (Соб., т. VI, № 291—295).

№ 15. Принадлежит к числу старейших народных лирических песен, сохраняет черты свадебного обряда — пропой невесты, весенней, семицкой и троицкой обрядности. Была широко распространена в Поволжье (*НС* № 1419, 1481, 2519; Соб., т. II, № 264—267).

№ 16. Симбирские вар. в печати не известны. Соб., т. V, № 175—176; № 175 — совпадения почти текстуальные (запись Якушкина).

№ 17. Настоящий текст, записанный собирателем как законченная песня, встречается обычно как часть песни о разлуке с милым «Сохнет-вянет в поле травка» (Соб., т. V, № 64, 65, 325).

№ 18. Одна из версий широко распространенных песен о худой жене. Очень близкий вар. Владимирской губ.: *НС* № 2572; более далекий, Ярославской губ.: *НС* № 1427. О бытовании песни в 1830—1840-х годах в Симбирской губ. свидетельствует запись ее в Сызранском у.: *НС* № 244.

№ 19. Начиная с 8 ст. (разрешение жениться и совет взять подругу любушки) — традиционное окончание широко распространенной песни «Отъезжает мой любезный в путь дороженьку», известной в записях XIX в. (*НС* № 1348, 1493, 2099; Соб., т. III, № 354—367). В настоящем вар. как самостоятельная песня не обнаружена.

№ 20. В Собрании Киреевского (*НС* № 2878) дан вар. без указания места записи, в распеве и текстуально совпадающий с публикуемым. Заключительные строки раскрывают связь данного песенного сюжета с рекрутскими песнями. То же: *НС* № 2666 б. м. Из поволжских вар. см. запись Пушкина (в настоящ. томе № 20).

№ 21. Контаминация двух песенных сюжетов, вторую половину песни — см. в записи Кольцова (настоящ. том, № 31); там же указаны вар.

№ 22. Протяжная лирическая песня об отъезде милого, пользовавшаяся популярностью в конце XVIII и в XIX вв. в деревне и в городе (*НС* № 536, 2210, 2542).

№ 23. Запев «Стоит бурлак» типичен для плясовых песен Поволжья (см. Балакирев, № 26, стр. 75—76). Вар. Ознобишина характерны для песен, в которых героем является рекрут — солдат (Соб., т. VI, № 36).

№ 24. В записях XIX в. известна как «протяжная», «проголосная», «посиделочная». Близкий вар. из Симбирской губ. записан А. М. Языковым (*НС* № 2481, 2618).

№ 25. Части этой песни, построенной на параллелизме, встречаются и в других сюжетных сочетаниях (*НС* № 1325, 1656, 1719, 1769, 2165; Соб., т. V, № 102, 323, 539).

№ 26. Известны несколько вар. Симбирской губ., близких к публикуемым: в с. Ст. Ярыкла Сенгилеевского у. (*НС* № 2499), в с. Усть-Урень Корсунского у. (Шейн, 1859, стр. 40 — «Кручина молодца»), в с. Головине, записанный Языковым (*НС* № 4010 или *СС*, в. 8, стр. 229) с историческим приурочением: «Што погиб-пропал добрый молодец. Што под армией под шведскою,/Што под армией под турецкою» (с тем же приурочением: Соб., т. I, № 354; *СС*, в. 8, стр. 228). Конец песни — прощанье с родителями и обвинение жены — см. в Песеннике 1791 г., ч. 1, стр. 99 (Соб., т. VI, № 119).

№ 27. Бурлацкая песня, контаминирующая ряд мотивов; близких вар. не обнаружено.

№ 28. Начало баллады, получившей широкое распространение в XIX в. (*НС* № 1435). См. настоящ. том, прим. к записям Кольцова, № 45.

№ 29. Очень близка к публикуемому вар., записанному в Симбирской губ. (Соб., т. VII, доп. ко II тому, № 749), а также вар. Владимирской губ. (Соб., т. II, № 479).